

197632

С 53
П 26

ПЕРВЫЕ
СТАХАНОВЦЫ
НАШЕГО
КРАЯ

197632.

Не кон. № 10000

ПРОЗЕРНО 48 г.

ПЕРВЫЕ
СТАХАНОВЦЫ
НАШЕГО
КРАЯ

86

пр. - 95

1936

САРАТОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

В высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение разделению труда, а вместе с тем и противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой жизненной потребностью; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы, и все источники коллективного богатства польются полным потоком,—лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: каждый по способностям, каждому по потребностям!

К. МАРКС.

• • •

...Должна возникнуть такая организация производства, при которой, с одной стороны, никто не мог бы свалить на другого свою долю участия в производительном труде, как естественном условии человеческого существования, а, с другой стороны, производительный труд, вместо того чтобы быть средством порабощения, сделался бы средством освобождения, предоставляя каждой личности возможность развивать во всех направлениях и проявлять все свои способности как физические, так и духовные. Труд, следовательно, из тяжелой обязанности должен превратиться в удовольствие.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

• • •

Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда.

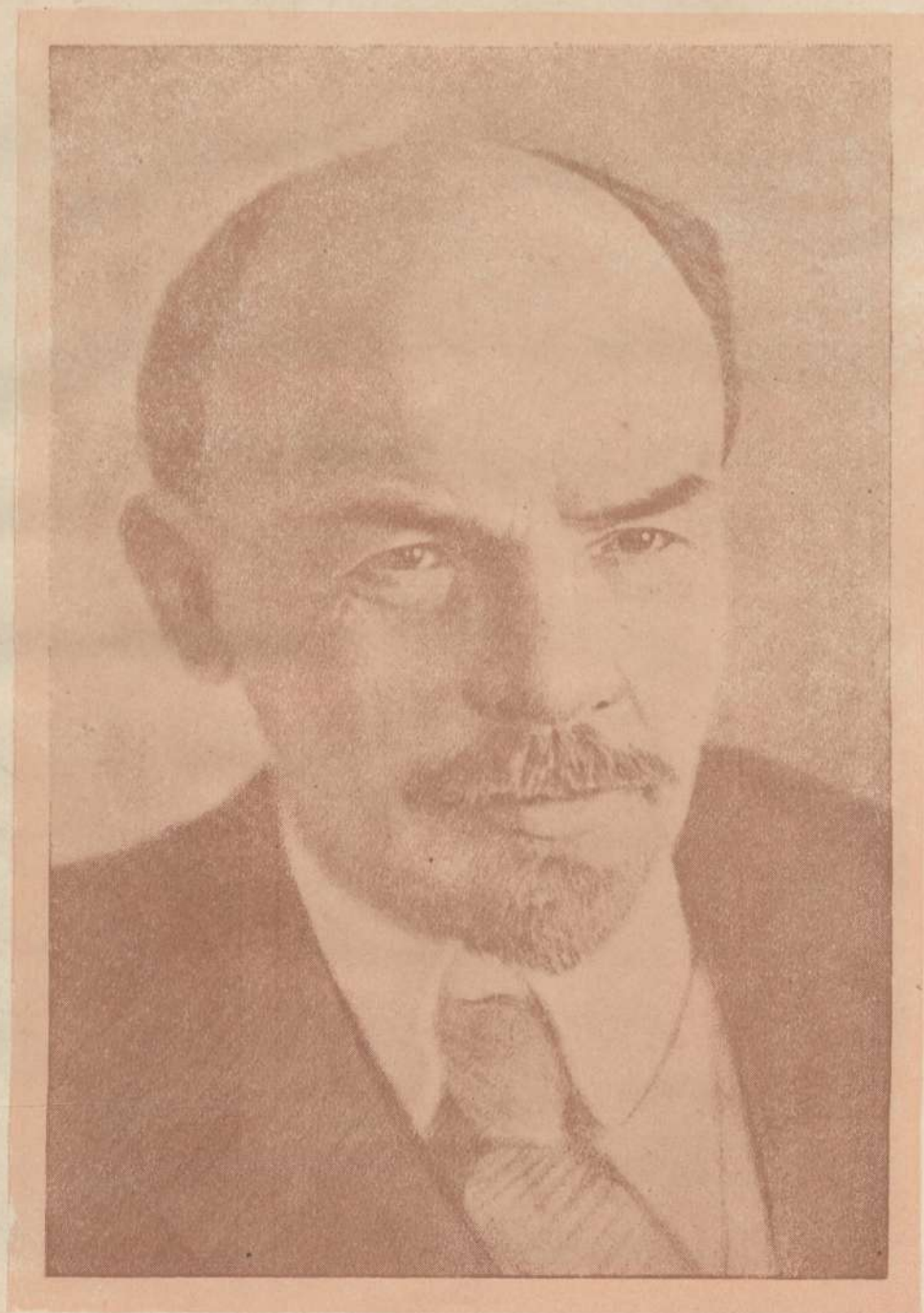
В. ЛЕНИН.

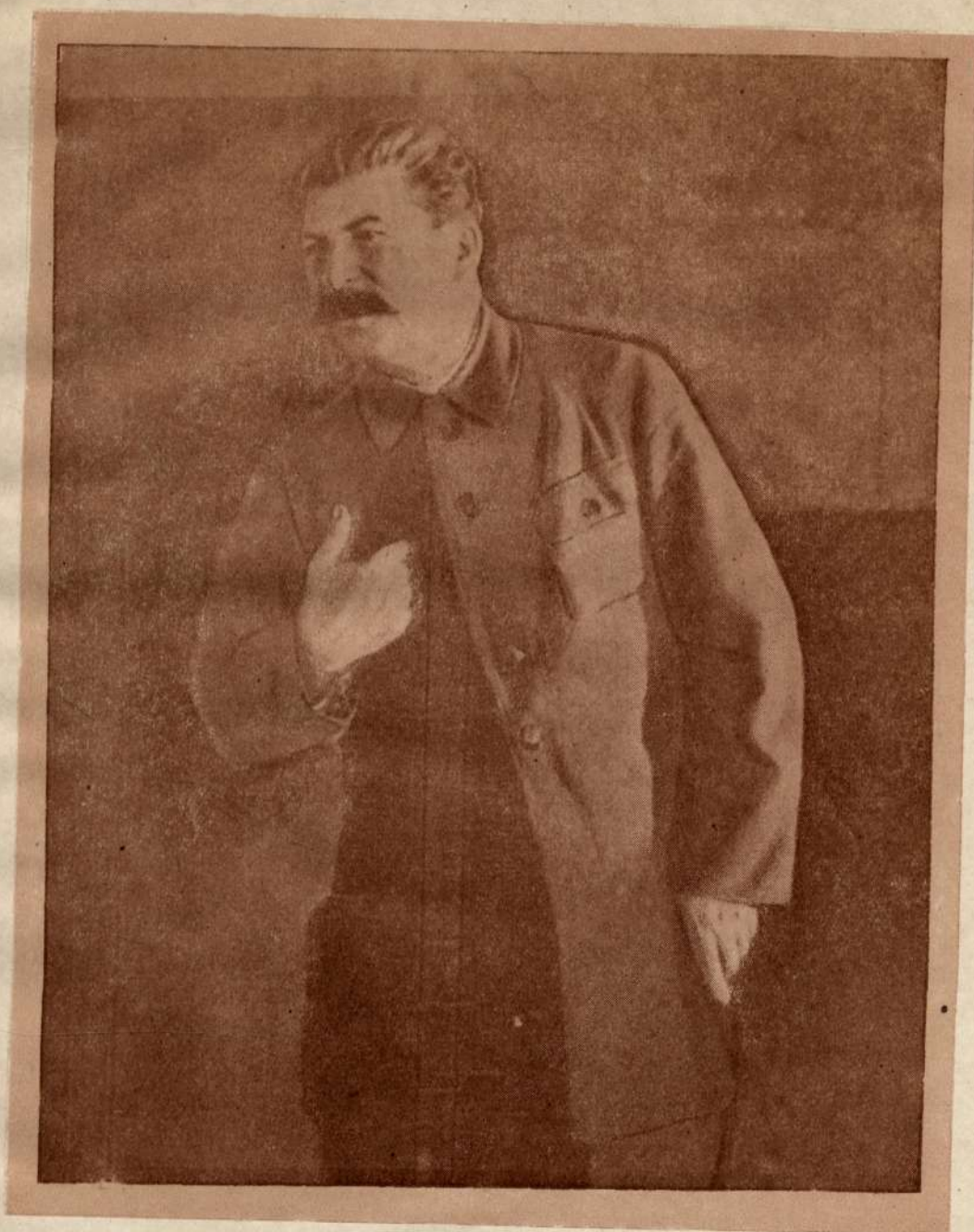
• • •

Разве не ясно, что стахановцы являются новаторами в нашей промышленности, что стахановское движение представляет будущность нашей индустрии, что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического подъема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим?

И. СТАЛИН.

• • •

И. В. СТАЛИН

РЕЧЬ НА ПЕРВОМ
ВСЕСОЮЗНОМ
СОВЕЩАНИИ
СТАХАНОВЦЕВ

17 НОЯБРЯ 1935 Г.

1.

ЗНАЧЕНИЕ СТАХАНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Товарищи! О стахановцах здесь, на этом совещании, так много и так хорошо говорили, что мне, собственно, мало что остается сказать. Все же, раз меня вызвали на трибуну, придется сказать несколько слов.

Стахановское движение нельзя рассматривать, как обычное движение рабочих и работниц. Стахановское движение это такое движение рабочих и работниц, которое войдет в историю нашего социалистического строительства, как одна из самых славных ее страниц.

В чем состоит значение стахановского движения?

Прежде всего в том, что оно выражает новый подъем социалистического соревнования, новый, высший этап социалистического соревнования. Почему новый, почему высший? Потому, что оно, стахановское движение, выгодно отличается, как выражение социалистического соревнования, от старого этапа социалистического соревнования. В прошлом, года три тому назад, в период первого этапа социалистического соревнования, социалистическое соревнование не обязательно было связано с новой техникой. Да тогда у нас, собственно, и не было почти новой техники. Нынешний же этап социалистического соревнования—стахановское движение, наоборот,—обязательно связан с новой техникой. Стахановское движение было бы немыслимо без новой, высшей техники. Перед вами люди, вроде тт. Стаханова, Бусыгина, Сметанина, Кривоноса, Пронина, Виноградовых и многих других, люди новые, рабочие и работницы, которые полностью овладели техникой своего дела, оседлали ее и погнали вперед. Таких людей у нас не было или почти не было года три тому назад. Это—люди новые, особенные.

Далее. Стахановское движение это такое движение рабочих и работниц, которое ставит своей целью преодоление нынешних технических норм, преодоление существующих проектных мощностей, преодоление существующих производственных планов и балансов. Преодоление—потому что они, эти самые нормы, стали уже старыми для наших дней, для наших новых людей. Это движение ломает старые взгляды на технику, ломает старые технические нормы, старые проектные мощности, старые производственные планы и требует создания новых, более высоких технических норм, проектных мощностей, производственных планов. Оно призвано произвести в нашей промышленности революцию. Именно поэтому оно, стахановское движение, является в основе своей глубоко революционным.

Здесь говорили уже, что стахановское движение, как выражение новых, более высоких технических норм, представляет собой образец той высокой производительности труда, которую может дать только социализм и чего не может дать капитализм. Это совершенно правильно. Почему капитализм разбил и преодолел феодализм? Потому, что он создал более высокие нормы производительности труда, он дал возможность обществу получать несравненно больше продуктов, чем это имело место при феодальных порядках. Потому, что он сделал общество более богатым. Почему может, должен и обязательно победит социализм капиталистическую систему хозяйства? Потому, что он может дать более высокие образцы труда, более высокую производительность труда, чем капиталистическая система хозяйства. Потому, что он может дать обществу больше продуктов и может сделать общество более богатым, чем капиталистическая система хозяйства.

Некоторые думают, что социализм можно укрепить путем некоторого материального поравнения людей на базе бедняцкой жизни. Это не верно. Это мелкобуржуазное представление о социализме. На самом деле социализм может победить только на базе высокой производительности труда, более высокой, чем при капитализме, на базе изобилия продуктов и всякого рода предметов потребления, на базе зажиточной и культурной жизни всех членов общества. Но для того, чтобы социализм мог добиться этой своей цели и сделать наше советское общество наиболее зажиточным, — необходимо иметь в стране такую производительность труда, которая перекрывает производительность труда передовых капиталистических стран. Без этого нечего и думать об изобилии продуктов и всякого рода предметов потребления. Значение стахановского движения состоит в том, что оно является таким движением, которое ломает старые технические нормы, как недостаточные, перекрывает в целом ряде случаев производительность труда передовых капиталистических стран и открывает, таким образом, практическую возможность дальнейшего укрепления социализма в нашей стране, возможность превращения нашей страны в наиболее зажиточную страну.

Но этим не исчерпывается значение стахановского движения. Его значение состоит еще в том, что оно prepares условия для перехода от социализма к коммунизму.

Принцип социализма состоит в том, что в социалистическом обществе каждый работает по своим способностям и получает предметы потребления не по своим потребностям, а по той работе, которую он произвел для общества. Это значит, что культурно-технический уровень рабочего класса все еще невысок, противоположность между трудом умственным и трудом физическим продолжает существовать, производительность труда еще не так высока, чтобы обеспечить изобилие предметов потребления, ввиду чего общество вынуждено распределять предметы потребления не соответственно потребностям членов общества, а соответственно работе, произведенной ими для общества.

Коммунизм представляет более высокую ступень развития. Принцип коммунизма состоит в том, что в коммунистическом обществе каждый работает по своим способностям и получает предметы потребления не по той работе, которую он произвел, а по тем потребностям культурно-развитого человека, которые

у него имеются. Это значит, что культурно-технический уровень рабочего класса стал достаточно высок для того, чтобы подорвать основы противоположности между трудом умственным и трудом физическим, противоположность между трудом умственным и трудом физическим уже исчезла, а производительность труда поднялась на такую высокую ступень, что может обеспечить полное изобилие предметов потребления, ввиду чего общество имеет возможность распределять эти предметы соответственно потребностям его членов.

Некоторые думают, что уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться путем некоторого культурно-технического поравнения работников умственного и физического труда на базе снижения культурно-технического уровня инженеров и техников, работников умственного труда, до уровня средне-квалифицированных рабочих. Это совершенно неверно. Так могут думать о коммунизме только мелкобуржуазные болтуны. На самом деле уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться лишь на базе подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда. Было бы смешно думать, что такой подъем неосуществим. Он вполне осуществим в условиях советского строя, где производительные силы страны освобождены от оков капитализма, где труд освобожден от гнета эксплуатации, где у власти стоит рабочий класс и где молодое поколение рабочего класса имеет все возможности обеспечить себе достаточное техническое образование. Нет никаких оснований сомневаться в том, что только такой культурно-технический подъем рабочего класса может подорвать основы противоположности между трудом умственным и трудом физическим, что только он может обеспечить ту высокую производительность труда и то изобилие предметов потребления, которые необходимы для того, чтобы начать переход от социализма к коммунизму.

Стахановское движение знаменательно в этой связи в том отношении, что оно содержит в себе первые начатки, правда, еще слабые, но все же начатки такого именно культурно-технического подъема рабочего класса нашей страны.

В самом деле, присмотритесь к товарищам стахановцам. Что это за люди? Это, главным образом,—молодые или средних лет рабочие и работницы, люди культурные и технически подкованные, дающие образцы точности и аккуратности в работе, умеющие ценить фактор времени в работе и научившиеся считать время не только минутами, но и секундами. Большинство из них прошло так называемый технический минимум и продолжает пополнять свое техническое образование. Они свободны от консерватизма и застойности некоторых инженеров, техников и хозяйственников, они идут смело вперед, ломая устаревшие технические нормы и создавая новые, более высокие, они вносят поправки в проектные мощности и хозяйственные планы, составленные руководителями нашей промышленности, они то и дело дополняют и поправляют инженеров и техников, они нередко учат и толкают их вперед, ибо это — люди, вполне овладевшие техникой своего дела и умеющие выжимать из техники максимум того, что можно из нее выжать. Сегодня стахановцев еще мало, но кто может сомневаться, что завтра их будет вдесятеро больше? Разве не ясно, что стахановцы являются

новаторами в нашей промышленности, что стахановское движение представляет будущее нашей индустрии, что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического подъема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим?

Таково, товарищи, значение стахановского движения в деле нашего социалистического строительства.

Думали ли об этом великом значении стахановского движения Стаханов и Бусыгин, когда они приступали к ломке старых технических норм? Конечно, нет. У них были свои заботы,—они стремились к тому, чтобы вывести предприятие из прорыва и перевыполнить хозяйственный план. Но добиваясь этой цели, им пришлось разбить старые технические нормы и развить высокую производительность труда, перекрывшую передовые капиталистические страны. Было бы однако смешно думать, что это обстоятельство может хоть сколько-нибудь умалить великое историческое значение движения стахановцев.

То же самое можно сказать о тех рабочих, которые впервые организовали в нашей стране Советы Рабочих Депутатов в 1905 году. Они, конечно, не думали, что Советы Рабочих Депутатов послужат основой социалистического строя. Они только оборонялись от царизма, от буржуазии, создавая Советы Рабочих Депутатов. Но это обстоятельство нисколько не противоречит тому несомненному факту, что движение за Советы Рабочих Депутатов, начатое в 1905 году ленинградскими и московскими рабочими, привело в конечном счете к разгрому капитализма и победе социализма в одной шестой части мира.

2. КОРНИ СТАХАНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Мы присутствуем сейчас у колыбели стахановского движения, у его истоков.

Следовало бы отметить некоторые характерные черты стахановского движения.

Бросается в глаза прежде всего тот факт, что оно, это движение, началось как-то самопроизвольно, почти стихийно, снизу, без какого бы то ни было давления со стороны администрации наших предприятий. Более того. Это движение зародилось и стало разворачиваться в известной мере вопреки воле администрации наших предприятий, даже в борьбе с ней. Товарищ Молотов уже рассказывал вам о том, какие муки пришлось пережить тов. Мусинскому, лесопильщику в Архангельске, когда он тайком от хозяйственной организации, тайком от контролеров вырабатывал новые, более высокие технические нормы. Судьба самого Стаханова была не лучшей, ибо ему приходилось обороняться при своем движении вперед не только от некоторых чинов администрации, но и от некоторых рабочих, высмеивавших и травивших его за „новшества“. Что касается Бусыгина, то известно, что он за свои „новшества“ чуть было не поплатился потерей работы на заводе, и лишь вмешательство начальника цеха тов. Соколинского помогло ему остаться на заводе.

Как видите, если и имело место какое-либо воздействие со стороны администрации наших предприятий, то оно шло не навстречу стахановскому движению, а наперекор ему. Стало быть, стахановское движение зародилось и развернулось как движение, идущее снизу. И именно потому, что оно зародилось самопроизвольно, именно потому, что оно идет снизу, оно является наиболее жизненным и непреодолимым движением современности.

Следует, далее, остановиться еще на одной характерной черте стахановского движения. Состоит она, эта характерная черта, в том, что стахановское движение разнеслось по всему лицу нашего Союза не постепенно, а с какой-то невиданной быстротой, как ураган. С чего началось дело? Стаханов поднял техническую норму добычи угля впятеро или вшестеро, если не больше. Бусыгин и Сметанин сделали то же самое, один — в области машиностроения, другой — в области обувной промышленности. Газеты сообщили об этих фактах. И вдруг — пламя стахановского движения объяло всю страну. В чем тут дело? Откуда взялась такая быстрота в деле распространения стахановского движения? Может быть Стаханов и Бусыгин являются большими организаторами с большими связями в областях и районах СССР, и они сами организо-

вали это дело? Нет, конечно, нет! Может быть Стаханов и Бусыгин имеют претензию быть великими фигурами нашей страны и они сами разнесли искры стахановского движения по всей стране? Это тоже неверно. Вы видели здесь Стаханова и Бусыгина. Они выступали на совещании. Это — люди простые и скромные, без каких бы то ни было претензий на то, чтобы стяжать лавры фигур всесоюзного масштаба. Мне даже кажется, что они несколько смущены тем размахом движения, которое развернулось у нас вопреки их ожиданиям. И если, несмотря на это, спички, брошенной Стахановым и Бусыгиным, оказалось достаточно для того, чтобы все это дело развернулось в пламя, — то это значит, что стахановское движение является делом вполне назревшим. Только движение, которое вполне назрело и ждет толчка для того, чтобы вырваться на волю, — только такое движение могло распространиться так быстро и нарастать, как снежный ком.

Чем объяснить, что стахановское движение оказалось делом вполне назревшим? Где причины того, что оно получило такое быстрое распространение? Каковы корни стахановского движения? Их, этих причин, по крайней мере четыре.

1) Основой стахановского движения послужило прежде всего коренное улучшение материального положения рабочих. Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится. Отсюда высокие нормы выработки. Отсюда герои и героини труда. В этом прежде всего корень стахановского движения. Если бы у нас был кризис, если бы у нас была безработица — бич рабочего класса, если бы у нас жилось плохо, неприглядно, не весело, то никакого стахановского движения не было бы у нас. (Аплодисменты.) Наша пролетарская революция является единственной в мире революцией, которой довелось показать народу не только свои политические результаты, но и результаты материальные. Из всех рабочих революций мы знаем только одну, которая кое-как добилась власти. Это — Парижская Коммуна. Но она существовала не долго. Она, правда, попыталась разбить оковы капитализма, но она не успела их разбить и тем более не успела показать народу благие материальные результаты революции. Наша революция является единственной, которая не только разбила оковы капитализма и дала народу свободу, но успела еще дать народу материальные условия для зажиточной жизни. В этом сила и непобедимость нашей революции. Конечно, хорошо прогнать капиталистов, прогнать помещиков, прогнать царских опричников, взять власть и получить свободу. Это очень хорошо. Но, к сожалению, одной лишь свободы далеко еще недостаточно. Если нехватает хлеба, нехватает масла и жиров, нехватает мануфактуры, жилища плохие, то на одной лишь свободе далеко не уедешь. Очень трудно, товарищи, жить одной лишь свободой. (Одобрительные возгласы, аплодисменты.) Чтобы можно было жить хорошо и весело, необходимо, чтобы блага политической свободы дополнялись благами материальными. Характерная особенность нашей революции состоит в том, что она дала народу не только свободу, но и материальные блага, но и возможность зажиточной и культурной жизни. Вот почему жить стало у нас весело и вот на какой почве выросло стахановское движение.

2) Вторым источником стахановского движения является у нас отсутствие эксплуатации. Люди работают у нас не на эксплуататоров, не для обогащения

тунеядцев, а на себя, на свой класс, на свое, советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса. Поэтому-то труд имеет у нас общественное значение, он является делом чести и славы. При капитализме труд имеет частный, личный характер. Выработал больше, получай больше и живи себе, как знаешь. Никто тебя не знает и знать не хочет. Ты работаешь на капиталистов, ты их обогащаешь? А как же иначе? Для того тебя и наняли, чтобы ты обогащал эксплуататоров. Ты не согласен с этим, — ступай в ряды безработных и прозябай, как знаешь, — найдем других, более сговорчивых. Поэтому-то труд людей не высоко ценится при капитализме. Понятно, что в таких условиях стахановскому движению не может быть места. Другое дело — в условиях советского строя. Здесь трудовой человек в почете. Здесь он работает не на эксплуататоров, а на себя, на свой класс, на общество. Здесь трудовой человек не может чувствовать себя заброшенным и одиноким. Наоборот, трудовой человек чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем. И если он работает хорошо и дает обществу то, что может дать, — он герой труда, он овеян славой. Понятно, что только в таких условиях могло зародиться стахановское движение.

3) Третьим источником стахановского движения следует считать наличие у нас новой техники. Стахановское движение органически связано с новой техникой. Без новой техники, без новых заводов и фабрик, без нового оборудования стахановское движение не могло бы у нас зародиться. Без новой техники можно поднять технические нормы в один-два раза — не больше. Если стахановцы подняли технические нормы в пять и в шесть раз, то это значит, что они опираются целиком и полностью на новую технику. Таким образом выходит, что индустриализация нашей страны, реконструкция наших заводов и фабрик, наличие новой техники и нового оборудования послужили одной из причин, породивших стахановское движение.

4) Но на одной лишь новой технике далеко не уедешь. Можно иметь первоклассную технику, первоклассные заводы и фабрики, но если нет людей, способных оседлать эту технику, техника так и останется у вас голой техникой. Чтобы новая техника могла дать свои результаты, надо иметь еще людей, кадры рабочих и работников, способные стать во главе техники и двинуть ее вперед. Зарождение и рост стахановского движения означают, что у нас уже народились такие кадры среди рабочих и работников. Года два тому назад партия сказала, что, построив новые заводы и фабрики и дав нашим предприятиям новое оборудование, — мы сделали лишь половину дела. Партия сказала тогда, что энтузиазм строительства новых заводов надо дополнить энтузиазмом их освоения, что только таким путем можно довести дело до конца. Очевидно, что за эти два года шло освоение этой новой техники и рождение новых кадров. Теперь ясно, что такие кадры уже имеются у нас. Понятно, что без таких кадров, без этих новых людей у нас не было бы никакого стахановского движения. Таким образом новые люди из рабочих и работников, освоившие новую технику, послужили той силой, которая оформила и двинула вперед стахановское движение.

Таковы условия, породившие и двинувшие вперед стахановское движение.

3. НОВЫЕ ЛЮДИ — НОВЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ НОРМЫ

Я говорил, что стахановское движение развилось не в порядке постепенности, а в порядке взрыва, прорвавшего какую-то плотину. Очевидно, что ему пришлось преодолеть какие-то препоны. Кто-то ему мешал, кто-то его зажимал, и вот, накопив силы, стахановское движение прорвало эти препоны и залило страну.

В чем тут дело, кто же, собственно, мешал?

Мешали старые технические нормы и люди, стоявшие за спиной этих норм. Несколько лет тому назад наши инженерно-технические и хозяйственные работники составили известные технические нормы применительно к технической отсталости наших рабочих и работниц. С тех пор прошло несколько лет. Люди за это время выросли и подковались технически. А технические нормы оставались неизменными. Понятно, что эти нормы оказались теперь для наших новых людей устаревшими. Теперь все ругают действующие технические нормы. Но они ведь не с неба упали. И дело тут вовсе не в том, что эти технические нормы были составлены в свое время, как нормы заниженные. Дело прежде всего в том, что теперь, когда эти нормы стали уже устаревшими, пытаются отстаивать их, как нормы современные. Цепляются за техническую отсталость наших рабочих и работниц, ориентируются на эту отсталость, исходят из отсталости, и дело доходит наконец до того, что начинают играть в отсталость. Ну, а как быть, если эта отсталость отходит в область прошлого? Неужели мы будем преклоняться перед нашей отсталостью и делать из нее икону, фетиш? Как быть, если рабочие и работницы успели уже вырасти и подковаться технически? Как быть, если старые технические нормы перестали соответствовать действительности, а наши рабочие и работницы успели уже на деле перекрыть их вдесятеро, вдесятеро? Разве мы когда-либо присягали на верность нашей отсталости? Кажется, не было этого у нас, товарищи? (Общий смех.) Разве мы исходили из того, что наши рабочие и работницы так и останутся навеки отсталыми? Как будто бы мы не исходили из этого? (Общий смех.) В чем же тогда дело? Неужели у нас нехватит смелости сломить консерватизм некоторых наших инженеров и техников, сломить старые традиции и нормы и дать простор новым силам рабочего класса?

Толкуют о науке. Говорят, что данные науки, данные технических справочников и инструкций противоречат требованиям стахановцев о новых, более высоких, технических нормах. Но о какой науке идет здесь речь? Данные

науки всегда проверялись практикой, опытом. Наука, порвавшая связи с практикой, с опытом, — какая же это наука? Если бы наука была такой, какой ее изображают некоторые наши консервативные товарищи, то она давно погибла бы для человечества. Наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики. Если бы дело обстояло иначе, у нас не было бы вообще науки, не было бы, скажем, астрономии, и мы все еще пробавлялись бы обветшалой системой Птолемея, у нас не было бы биологии, и мы все еще утешались бы легендой о сотворении человека, у нас не было бы химии, и мы все еще пробавлялись бы прорицаниями алхимиков.

Вот почему я думаю, что наши инженерно-технические и хозяйственные работники, успевшие уже порядочно поотстать от стахановского движения, сделали бы хорошо, если бы они перестали цепляться за старые технические нормы и перестроились по-настоящему, по-научному, на новый, стахановский лад.

Хорошо, скажут нам. Но как быть с техническими нормами вообще? Нужны ли они для промышленности, или можно обойтись вовсе без всяких норм?

Одни говорят, что нам не нужно больше никаких технических норм. Это неверно, товарищи. Более того, — это глупо. Без технических норм невозможно плановое хозяйство. Технические нормы нужны, кроме того, для того, чтобы отстающие массы подтягивать к передовым. Технические нормы — это большая регулирующая сила, организующая на производстве широкие массы рабочих вокруг передовых элементов рабочего класса. Следовательно, нам нужны технические нормы, но не те, какие существуют теперь, а более высокие.

Другие говорят, что технические нормы нужны, но их надо довести теперь же до тех достижений, которых добились Стахановы, Бусыгины, Виноградовы и другие. Это тоже неверно. Такие нормы были бы нереальны для настоящего времени, ибо рабочие и работницы, менее подкованные технически, чем Стахановы и Бусыгины, не смогли бы выполнить таких норм. Нам нужны такие технические нормы, которые проходили бы где-нибудь посередине между нынешними техническими нормами и теми нормами, которых добились Стахановы и Бусыгины. Взять, например, Марию Демченко, всем известную пятисотницу по свекле. Она добилась урожая свеклы на гектар в 500 и больше центнеров. Можно ли это достижение сделать нормой урожайности для всего свекловичного хозяйства, скажем, на Украине? Нет, нельзя. Рано пока говорить об этом. Мария Демченко добилась пятисот и больше центнеров на один гектар, а средний урожай по свекле, например, на Украине в этом году составляет 130—132 центнера на гектар. Разница, как видите, не маленькая. Можно ли дать норму для урожайности по свекле в 400 или 300 центнеров? Все знатоки дела говорят, что нельзя этого делать пока что. Очевидно, что придется дать норму по урожайности на гектар по Украине на 1936 год в 200—250 центнеров. А норма эта не маленькая, так как, в случае ее выполнения, она могла бы дать нам вдвое больше сахара, чем в 1935 году. То же самое надо сказать насчет промышленности. Стаханов перекрыл существующую техническую норму, кажется, раз в десять или даже больше. Объявить

это достижение новой технической нормой для всех работающих на отбойном молотке было бы неразумно. Очевидно, что придется дать норму, проходящую где-либо посередине между существующей технической нормой и нормой, осуществленной тов. Стахановым.

Одно во всяком случае ясно: нынешние технические нормы уже не соответствуют действительности, они отстали и превратились в тормоз для нашей промышленности, а для того, чтобы не тормозить нашу промышленность, необходимо их заменить новыми, более высокими техническими нормами. Новые люди, новые времена,—новые технические нормы.

4. БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ

В чем состоят наши ближайшие задачи с точки зрения интересов стахановского движения?

Чтобы не разбрасываться, давайте сведем это дело к двум ближайшим задачам.

Во-первых. Задача состоит в том, чтобы помочь стахановцам развернуть дальше стахановское движение и распространить его вширь и вглубь на все области и районы СССР. Это с одной стороны. И с другой стороны — обуздать все те элементы из хозяйственных и инженерно-технических работников, которые упорно цепляются за старое, не хотят двигаться вперед и систематически тормозят развертывание стахановского движения. Чтобы распространить во-всю стахановское движение по всему лицу нашей страны, для этого одних лишь стахановцев, конечно, недостаточно. Необходимо, чтобы наши партийные организации включились в это дело и помогли стахановцам довести движение до конца. В этом отношении Донецкая областная организация проявила бесспорно большую инициативу. Хорошо работают в этом смысле Московская и Ленинградская областные организации. А как другие области? Они, видимо, все еще „раскачиваются“. Например, что-то не слышно или очень мало слышно об Урале, хотя Урал является, как известно, громадным промышленным центром. То же самое надо сказать о Западной Сибири, о Кузбассе, где еще, по всем видимостям, не успели „раскачаться“. Впрочем, можно не сомневаться, что наши партийные организации возьмутся за это дело и помогут стахановцам преодолеть трудности. Что касается другой стороны дела — обуздания упорствующих консерваторов из среды хозяйственных и инженерно-технических работников, — то здесь дело будет обстоять несколько посложнее. Придется в первую очередь убеждать, терпеливо и по-товарищески убеждать эти консервативные элементы промышленности — в прогрессивности стахановского движения и в необходимости перестроиться на стахановский лад. А если убеждения не помогут, придется принять более решительные меры. Взять, например, Наркомат Путей Сообщения. В центральном аппарате этого наркомата недавно существовала группа профессоров, инженеров и других знатоков дела — среди них были и коммунисты, — которая уверяла всех в том, что 13 — 14 километров коммерческой скорости в час является пределом, дальше которого нельзя, невозможно двигаться, если не хотят вступить в противоречие с „наукой об эксплуатации“. Это была довольно авторитетная группа, которая проповедывала свои взгляды устно и печатно, давала инструкции соответствующим

органам НКПС и вообще являлась „властителем дум“ среди эксплуатационников. Мы, не знатоки дела, на основании предложений целого ряда практиков железнодорожного дела в свою очередь уверяли этих авторитетных профессоров, что 13—14 километров не могут быть пределом, что при известной организации дела можно расширить этот предел. В ответ на это эта группа вместо того, чтобы прислушаться к голосу опыта и практики и пересмотреть свое отношение к делу, бросилась в борьбу с прогрессивными элементами железнодорожного дела и еще больше усилила пропаганду своих консервативных взглядов. Понятно, что нам пришлось дать этим уважаемым людям слегка в зубы и вежливенько выпроводить их из центрального аппарата НКПС. (Аплодисменты.) И что же? Мы имеем теперь коммерческую скорость в 18—19 километров в час. (Аплодисменты.) Мне думается, товарищи, что в крайнем случае придется прибегнуть к этому методу и в других областях нашего народного хозяйства, если, конечно, упорствующие консерваторы не перестанут мешать и бросать палки в колеса стахановскому движению.

Во-вторых. Задача состоит в том, чтобы помочь перестроиться и возглавить стахановское движение тем хозяйственникам, инженерам и техникам, которые не хотят мешать стахановскому движению, которые сочувствуют этому движению, но не сумели еще перестроиться, не сумели еще возглавить стахановское движение. Я должен сказать, товарищи, что таких хозяйственников, инженеров и техников имеется у нас не мало. И если мы поможем этим товарищам, то их будет у нас несомненно еще больше.

Я думаю, что, если эти задачи будут выполнены нами, стахановское движение развернется во-всю, охватит все области и районы нашей страны и покажет нам чудеса новых достижений.

5.

ДВА СЛОВА

Несколько слов насчет настоящего совещания, насчет его значения. Ленин учил, что настоящими руководителями-большевиками могут быть только такие руководители, которые умеют не только учить рабочих и крестьян, но и учиться у них. Кое-кому из большевиков эти слова Ленина не понравились. Но история показывает, что Ленин оказался прав и в этой области на все сто процентов. В самом деле, миллионы трудящихся, рабочих и крестьян трудятся, живут, борются. Кто может сомневаться в том, что эти люди живут не впустую, что, живя и борясь, эти люди накапливают громадный практический опыт? Разве можно сомневаться в том, что руководители, пренебрегающие этим опытом, не могут считаться настоящими руководителями? Стало быть, мы, руководители партии и правительства, должны не только учить рабочих, но и учиться у них. Что вы, члены настоящего совещания, кое-чему поучились здесь, на совещании, у руководителей нашего правительства,—этого я не стану отрицать. Но нельзя отрицать и того, что и мы, руководители правительства, многому поучились у вас, у стахановцев, у членов настоящего совещания. Так вот, спасибо вам, товарищи, за учебу, большое спасибо! (Бурные аплодисменты.)

Наконец, два слова о том, как следовало бы ознаменовать настоящее совещание. Мы здесь в президиуме совещались и решили, что придется как-либо отметить это совещание руководителей власти с руководителями стахановского движения. И вот мы пришли к такому решению, что человек 100—120 из вас придется представить к высшей награде.

Голоса. Правильно. (Бурные аплодисменты.)

Сталин. Если вы одобряете, товарищи, то мы это дело проведем.

(Участники совещания стахановцев устраивают бурную восторженную овацию товарищу Сталину. Весь зал гремит от рукоплесканий, мощное „ура“ потрясает своды зала. Бесчисленные возгласы, приветствующие вождя партии товарища Сталина, несутся со всех концов. Оvation заканчивается мощным пением „Интернационала“—три тысячи участников совещания исполняют пролетарский гимн.)

АЛЕКСЕЙ
СТАХАНОВ

МОЙ МЕТОД

Товарищи, прежде чем поделиться опытом моей работы, разрешите сначала рассказать о том, как организовано было раньше производство на нашем участке. В лаве длиной в 85 метров, мощностью пласта в 1,4 метра, разрезанной на 8 уступов, работало в смену 8—9 забойщиков. Работали мы на отбойном молотке. На обязанности каждого из забойщиков лежала задача — вырубить и закрепить свой уступ. Обычно с этой работой забойщики справлялись за $2\frac{1}{2}$ —3 часа. Остальное время мы заняты были креплением. Так был организован труд в двух сменах. Третья смена была ремонтной. Она готовила работу. И вот, товарищи, получалось, что за сутки отбойные молотки работали всего часов 5—6, а остальное время бездействовали, хотя были возможности и рубить уголь, хотя компрессоры подавали воздух полные две смены.

Производительность забойщика зависит от многих причин. Перечислю основные: первая — длина уступа. При старой системе работы, когда размер уступа обычно определялся на основе „длительной практики“, его незначительные размеры мешали забойщику развернуться в полную силу. Вторым недостатком старой организации работы — это необходимость затрачивать много времени на очень трудоемкий, но совершенно непроизводительный процесс — вырубку такого небольшого прямоугольника, — у нас в шахтах его называют кутком. Эта работа для забойщика наиболее трудная, так как ее приходится выполнять в очень неудобном положении: нет твердой опоры, да, кроме того, молоток приходится все время держать навесу. Наконец, третий недостаток существовавшей ранее системы — это необходимость не только рубить уголь, но и крепить забой. До сих пор у нас в шахтах считали, что забойщик должен обязательно и отбивать уголь и крепить забой. Никто не думал над тем, чтобы разделить эти два процесса, хотя ясно было, что переход от отбойки к креплению и обратно заставляет забойщика тратить много времени и что такая организация труда не дает возможности полностью использовать свое время и загрузить механизмы.

Словом, инициатива забойщика при старой системе ограничивалась нормой и длиной уступа: вырубив свой уступ, забойщик при всем своем желании не мог ничего лишнего дать.

Когда я прочел речь товарища Сталина на выпуске слушателей Военной академии от 4 мая, мне пришлось крепко подумать над тем, что надо сделать для повышения труда, для полного использования всей техники. Ведь Донбасс за последние годы вооружен очень большим количеством машин и механизмов. Ведь наш отбойный молоток советского производства работает очень хорошо, — надо только будет его загрузить.

Приближался Международный юношеский день, и мне захотелось озаглавить этот день рекордом в области повышения производительности труда. Надо сказать, что еще задолго до этого дня мы на шахте вместе с парторганами гг. Петровым и Дюкановым думали над тем, как бы разбить оковы норм, дать забойщикам разойтись, заставить работать молотки полную смену. И вот на шахте решили: пустить забойщика на всю лаву. В конце августа ко мне на квартиру пришли парторг шахты и начальник участка и предложили мне спуститься в лаву. Я с большой охотой принял это предложение и в ночь под 31 августа пошел рубить. Вместе со мной спустились два крепильщика, начальник участка тов. Машуров, парторг шахты тов. Петров и редактор многотиражки тов. Михайлов. Трудно сейчас передать все, что я да и спустившиеся со мной товарищи переживали в то время. Но помню, что все мы были уверены в успехе нашего дела.

В лаве я начал зарубку с верхнего уступа. Сперва делал подбойку, потом рубил прослойку, которая шла снизу вверх, одновременно снимал верхнюю часть пласта и сверху вниз снимал земник. Такие операции я проделал во всех 8 уступах, засекая в каждом из них куток. Следом за мной приступили к работе два крепильщика. Работали мы напряженно, но время прошло незаметно. Я проработал 5 час. 45 мин. Подмерили, и оказалось что я согнал всю лаву и нарубил 102 тонны.

Когда я выбрался на-гора, уже рассветало. Меня встретила группа товарищей и крепко жала мне руку. Но надо сказать, что нашлось немало людей на нашей же шахте, которые сразу не поверили, что я за одну смену мог нарубить 102 тонны.

— Это наверно,—говорили они,—ему приписали. Столько угля в смену он нарубить никак не мог.

Надо было дело закрепить, надо было показать всем сомневающимся, что 102 тонны и больше можно давать без большого напряжения, надо только как следует организовать труд. И вот 3 сентября в шахту спустился парторг того участка, на котором я работал,—тов. Дюканов. Этот участок называется „Никанор Восток“. Дюканов проработал одну смену и дал 115 тонн. Но Дюканову тоже сразу не поверили. Пришлось спустить еще одного человека. И третьим в шахту пошел рубить комсомолец Концедалов, который поставил новый рекорд — 125 тонн. Через несколько дней я перекрыл свой и их рекорды, вырубив за смену сначала 175, а потом и 227 тонн.

Конечно, мой рекорд так и остался бы рекордом, если бы из него не сделали сразу же практических выводов для всего участка, для всей шахты.

Всем стало ясно, что на участке можно так организовать работу, чтобы на 100% использовать отбойный молоток, чтобы в несколько раз превысить существовавшую производительность забойщика. Надо только строго специализировать труд рабочих: забойщик должен рубить, а крепильщик крепить, уступы надо увеличить. Моя вырубка сразу разбила представление и расчеты о нормах, и в связи с этим сначала на участке, а потом и на всей шахте решено было уменьшить число уступов наполовину, одновременно увеличив их длину.

Вот в чем в основном и заключается метод моей работы на отбойном молотке.

5 сентября мы созвали совещание своего участка и договорились вместо 8 уступов оставить всего четыре по 22 метра каждый. Оставили вместо 23 забойщиков 5 забойщиков, 5 крепильщиков и одного человека для смены отдыхающим. Результаты такой организации труда очень быстро сказались на работе нашего участка.

Раньше производительность отбойного молотка не превышала 13—14 тонн на выход. Теперь — 60—65 тонн. Говорят: но стало же больше крепильщиков. Да, больше. Но если эту производительность разделить даже на крепильщиков, работающих вместе с забойщиком, то и тогда она составит до 30—32 тонн на человека в лаве. В целом по участку добыча наша возросла до 300—335 тонн, между тем раньше участок давал самое большое 250 тонн. К этому надо добавить, что штат людей на участке уменьшился на 19 человек: раньше было 117, а теперь 98 рабочих. Правильная организация труда дала нам возможность при том же количестве людей дать больше угля. Рабочих мы не сокращаем, а переводим на другие подготовительные работы на той же самой шахте.

Перестройка работы по новому методу в лаве потянула за собой все остальные звенья угледобычи. Сейчас у нас и на откатке и на подготовительных работах, правда, еще не совсем, все же подтянулись и начали, как при-

выкли теперь говорить, — работать по-стахановски. Когда через некоторое время вся шахта перешла на работу по-новому, то мы добились успеха на всех участках. Раньше, месяца два — три назад, мы давали 900—950—980 тонн в сутки, а сейчас даем 1280—1300 тонн. В общем мы закрепились на 1200 тоннах в сутки.

Хочу теперь сказать о зарработке. Высокая производительность труда, которая достигнута благодаря строгой специализации рабочих, подняла за собой и зарработную плату. Как мы раньше зарабатывали на своей шахте? Я зарабатывал неплохо — рублей 500, а иногда и 600 в месяц. Но теперь, в сентябре, например, за 18 выходов я зарработал 1000 руб. Наш парторг тов. Дюканов — 1338, а тов. Концедалов — 1618 руб. В октябре я сделал только 14 выходов. Пришлось очень много разъезжать. Но и за эти 14 выходов я зарработал 1008 руб. Тов. Дюканов, мой парторг, сделал больше упряжек и зарработал 1400 руб., тов. Концедалов — 1600 руб. Высокие зарработки у нас теперь стали. Эти зарработки дают нам возможность жить по-иному. Хочется мне вспомнить о моей прежней жизни.

Я сам орловский. Деревня наша была очень бедная. Семья наша едва-едва перебивалась. И дед мой, и отец мой уходили в город на зарработки. Самостоятельной жизнью я начал жить с 12 лет, когда я пошел работать к кулаку на мельницу. С зари до ночи мешки таскал, а ночью ходил за конями, а их у него было голов 40. Тяжело было.

Жизнь моя началась вот здесь, на шахте. Сюда, на Ирмино, я пришел в 1927 году. Начал работать отгребщиком — невысокая квалификация. Скажу откровенно: шахты я боялся. Все время помнил слова деда: „Шахта — это каторга, убьешь силу свою зря, пропадешь...“

Спустился я в шахту раз, другой — ничего, выдержал, а потом привык, втянулся. Скоро я стал коногоном. Работа эта была мне знакома. За лошадьми я сизмальства привык ухаживать. Прошло немного времени. Я перешел на работу в забой. Сперва рубил обушком, а после ввода отбойных молотков — на молотке.

Я поставил перед собой задачу — во что бы то ни стало хорошо работать на отбойном молотке. Начал учиться. Присматривался, как работают другие, и постепенно я освоил работу и добился 5—6 тонн на молоток. А когда на шахте были организованы курсы по изучению отбойного молотка, я начал осиливать и все 12—13 тонн. Потом сдал государственный технический экзамен на „отлично“. Я крепко втянулся в работу, стал полноправным мастером, стал работать забойщиком наравне с другими и не отставал.

Да, многое изменилось теперь в моей работе. Изменилась и жизнь семьи. Семья у меня небольшая: жена и двое ребят. Жена за семь лет на шахте обжилась, стала шахтеркой в полном смысле и живет теперь моими интересами, интересами шахты.

Товарищи! В последние два месяца каждый день приносит новые рекорды, которых достигают забойщики нашего угольного Донбасса, да и других бассейнов. Организация работы по-новому дает неограниченные возможности поднять производительность забойщиков и механизмов на невиданную до сих пор высоту.

Дело, конечно, не в том, чтобы десяток—другой забойщиков, а то и сотня поставила те или иные рекорды. Задача заключается в том, чтобы высокие показатели, достигнутые отдельными ударниками угольного фронта, стали средними по всем шахтам, по всем бассейнам. Главное, я считаю, это передать опыт лучших забойщиков всем шахтерам. У нас на шахте организован обмен опытом путем созыва специальных совещаний по квалификациям, специального „стахановского часа“ в школах и т. д. Делается это так. Составлен эскиз работы участка, из которого видно, как нужно подходить к той или иной работе, как надо обращаться с отбойным молотком, что надо делать для того, чтобы обеспечить полнокровную работу механизмов за всю рабочую смену.

У нас на шахте есть уже не одна сотня шахтеров, которые дают 2—3—4 и больше нормы. Наша шахта становится стахановской! По инициативе парторганизации на одном из собраний горняки вынесли боевое решение: на предстоящий вседонецкий слет мастеров угля послать 1000 делегатов, не меньше. Это решение ко многому обязывает. Шахты всего Советского Союза должны вырастить тысячи мастеров угля. Эта работа может дать положительные результаты только в том случае, если вместе с лучшими мастерами крепко за дело возьмется весь инженерно-технический персонал, если хозяйственники будут живо и быстро откликаться на наши нужды, на наши предложения, если партийные организации подымут всю шахтерскую массу на увеличение угледобычи в 3—4 раза, на осуществление боевого приказа нашего железного наркома тов. Орджоникидзе о выполнении пятилетки угольного Донбасса в 4 года.

С тех пор, как я установил рекорд производительности на отбойном молотке, началось широкое движение рабочего класса Донбасса и во всех отраслях народного хозяйства за невиданные до сих пор в мире показатели производительности труда. Право, я не знаю, почему это движение называют стахановским походом. Любимый вождь нашей партии и народов Советского Союза товарищ Сталин и руководимая им партия большевиков были вдохновителями наших побед.

Ему, великому Сталину, все мы обязаны счастливой жизнью нашей страны, радостями и славой нашей прекрасной родины. Для него, для большевистской партии, для любимой родины мы готовы отдать всю нашу жизнь до конца. (Бурные аплодисменты. Все встают и приветствуют тов. Стаханава.)

АЛЕКСАНДР
БУСЫГИН

МОЯ РАБОТА

Сегодня мы все, вставшие на борьбу за настоящую, за хорошую работу, собрались здесь. Очень интересно мне слушать, как вы борьбу у себя на своих заводах, на шахтах, на фабриках проводили. И про свою бригаду хочется рассказать, как мы добились успехов, как кузница Горьковского автозавода стала такие рекорды давать.

Дело было так. Был я в отпуску. Приходит ко мне на квартиру мастер Лапин и говорит:

— Давай, Бусыгин, на работу. Пропадаем с программой.

Ну, думаю, раз действительно тяжело—придется пойти. Пришел я 27 августа и стал работать. За этот день сделал я 440 ступиц при норме 315. Дали нужное количество деталей до первого числа в одну смену. С первого сентября

остался я один на участке,— Фаустов в отпуск пошел, а Казарин работал на коленчатом валу. 5 дней так проработал, а потом на совещании начальник цеха говорит:

— Программа туго идет, как быть?

Я по ступице целую пятидневку задание перевыполнял, а коленчатые валы отстали. Разрешили нам тогда по два часа сверхурочно работать. Я и работал всю первую смену на ступице, а потом переходил на коленчатые валы. Делал я их за два часа по 200—250 штук. Проработали так до 10-го числа,— тут и Казарин ушел. Он 1913 года рождения — пошел на призыв. На коленчатых валах некому работать, и на ступице я один. Что тут делать? Оставил я тогда на ступице своего подручного, а сам перешел на коленчатые валы.

Дело сразу пошло на лад. В первый же день с той самой бригадой, что была при Казарине, и на том же оборудовании я дал 966 валов при норме в 675 валов.

Ребята у меня сразу обрадовались. Я их работу поорганизованнее сделал, получше организовал рабочее место.

Бригада была расхлябанная, когда я пришел на коленчатый вал. Я стал во время работы смотреть внимательно за оборудованием, особенно, чтобы сальники не ослабли. Как вижу, что ослабляются, — сейчас же слесарям заявляю. Они быстро подвертывают, и простои из-за сальников мы сразу же ликвидировали почти совсем. Потом я особое внимание еще обращаю на закрепление клиньев в штамп. Как только замечаю, что клин вылезает, я сейчас же заявляю установщику.

В бригаде людей я так переставил, чтобы всякому была подходящая работа. Одна работа требует смекалки, другая — ловкости, третья — силы. На те перестановки, что я произвел, товарищи не обижаются. Сами видят, какая польза делу и им самим от этого получается. А пользу себе они сразу большую увидели. Как мы начали давать по тысяче коленчатых валов, так заработки поднялись. Я в одну смену заработал 40 руб., а товарищи — по 20 руб. Потом мы и больше тысячи валов стали давать.

Вся наша бригада особенное внимание обращает на подготовку производства. В начале смены осматриваем все оборудование и инструмент. А потом 15 минут работаем медленнее, чем обычно. И только когда убедились в полной исправности молота, начинаем работать полным ходом. Простои от этого сильно сокращаются. Стали мы сами себе назначать задание: сегодня сделаем столько-то валов. И свои задания мы выполняли. Дали мы, значит, в первый день 966 валов. На следующий день — 1001 вал, а потом — 1008, потом — 1015, потом — 1146 и месячную программу закончили 19-го числа.

Рекорды наши мы потому могли поставить, что стали гораздо внимательнее к работе, действительно по-ударному работаем, используя каждую минуту. А кроме того, каждый день думаем, как получше рабочее место организовать, каждый день что-нибудь новое придумываем и вперед двигаемся.

Вернулся в это время на завод Великжанин, и стали мы с ним соревноваться. Я дам 400 ступиц, он — 500. Потом я сделал 570, он — 620. Так и пошло. Стали один другого бить, и зашумело у нас в кузнице повсюду. Очень я радуюсь,

когда Великжанин хорошую выработку дает. И его бригада не раз ставила рекорды, и моя бригада. И оба мы на тех рекордах не успокаиваемся. Теперь вот интересно,—почему раньше таких рекордов не было? Я тут расскажу немного о прежней своей работе.

На завод я пришел из деревни. Хозяйство было у меня бедное. Было это давно, тогда колхозы только начали создаваться. Круглые сутки работаешь, приедешь домой, а дома и еды нет. Решили мы тогда с одним приятелем отправиться в Горький. Денег не было, шли пешком до Ветлуги. Хотели там на пароме сесть, да опоздали: ушел последний паром без нас, река уже льдом покрывается. Пришлось и дальше пешком идти. Кое-как добрались до Горького, и приняли меня работать на строительство плотником. А в мае 1932 года попал я в кузницу — смазчиком на молоте. Тут и научился я ковать. Никто меня не учил, сам научился. Время свободное было. Подходил я к рабочим, когда они закуривали, останавливали молот, и просил, чтоб позволили попробовать. Ну, позволяли. Пробовал я так много раз. А как-то мастер, Балагутский его фамилия, увидел, что я уже неплохо работаю, и поставил меня подручным. Тут уже явился у меня привычка присматриваться, как работают другие, и думать — правильно ли, да как бы я на его месте работал. Был такой случай, что один кузнец плохо работал. Я посмотрел, подумал, как правильнее деталь поставить, и начал работать сам. Получилось у меня лучше — и браку почти не было. Мастер даже удивился:

— Сколько времени с этой деталью мучаемся, а ты ее как ловко делаешь.

Так я на этой детали и остался. А когда на молоты перешел, — это осенью прошлого года, — началась большая неразбериха. Все с одного места на другое заставляли переходить. Приду я утром на работу, встану среди участка и жду, к какому меня мастеру поставят работать — на ковочную машину или на паровой молот. Мастер говорит мне:

— Подожди, я разберусь, кого куда поставить, а тебя поставлю, где придется, ты любую деталь можешь сделать.

Так до 9 часов утра прождешь, а работать надо с 8. Я не попадал на определенную деталь: я все детали проходил.

В первое время, когда я перешел на паровой молот, я делал деталь № 57-94. Норма была 420, а я до 1000 штук догонял. У меня все нормы перевыполнялись.

Раз утром прихожу, встаю на работу, часа полтора проработал, вдруг приходит сменный мастер:

— Давай, — говорит, — Бусыгин, на ковочную машину, на деталь 45-12.

Я говорю:

— Почему? Я ведь работал уже полтора часа. Дай день отработаю. А то здесь полчаса, там полчаса, учетчик не поспевает записывать, и моя работа пропадает.

Одним словом, я не пошел. Меня взяли за руку, отвели от молота и на мое место поставили другого кузнеца. Иду я к Верейкину, начальнику участка, и говорю:

— Почему так? Дай хоть день поработать.

— Так,—говорит,—нужно производству. Хочешь, работай, а не хочешь—иди домой, расчет дам.

Я написал заявление: гонят с места на место, прошу дать расчет. А мне говорят, что я бузотер. И дали расчет за отказ и за срыв работы. Я в обещанный перерыв все это оформил, пошел на ковочную машину и при норме в 470 дал 502 штуки. У других кузнецов тут все время брак. А я два года над этим работал и работу хорошо усвоил. Лучше меня никто ее не делает. На другой день не пошел я на завод. Но встретил своего начальника цеха Соколинского. Он меня уговорил, заявление разорвали, и я снова стал работать. Верейкина потом уволили, и дело у нас пошло лучше.

Зарабатывал я раньше 300—350 руб., в сентябре же заработал 690, да 130 вышло по прогрессивке и еще 223 руб. за уменьшение брака—всего вышло 1043 руб. В октябре я проболел, потом в Москве был. А ребята мои, которые раньше зарабатывали 130—180 руб. (по 3—4 разряду), в сентябре получили по 500—600 руб. Ребята довольны. Перед праздниками аванс получили. Раньше выходило рублей 40—60, а теперь 240 вышло. Мы свое заработаем!

Сталин. Качество валов не портится от быстрой работы?

Бусыгин. Наоборот, меньше браку получается и качество лучше. Раньше я делал 450 штук, а брак—20 штук. Теперь я даю 1100 штук, а брак—2 штуки.

Сейчас нам и начальник цеха и директор завода помогают, сколько могут. Раньше-то не очень помогали. До проведения стахановского метода у нас начальство нельзя было поймать в цехах. Теперь другое дело: за спиной у кузнеца стоит старший мастер, сменный мастер и начальник цеха. Первое время стояли таким образом за спиной у меня, у Фаустова и Великжанина. Я сказал:

— Давайте, товарищи, у всех за спиной стоять.

В общем можно будет и свыше тысячи валов давать. Лишь бы не было простоев. А простоев у нас сейчас много из-за смежников. Здорово они нас качают. Просил я прислать нам крепкую набивку со свинцовой проволокой. А нам прислали опять негодную, да еще с представителем. Мы набивку попробовали, а представитель говорит, что мы неправильно набиваем. Стали набивать, как он говорил, ее всю и утянуло в цилиндр. Пришлось два дня продуть. Молот стоял. Теперь обещали хорошую привезти.

А еще то замечательно, что при хорошей работе меньше устаешь, чем при плохой. Чем ровнее да спористее идет работа, тем крепче да здоровее себя чувствуешь.

С песнями будем работать!

Слышал я, что на нашем заводе одна шестая часть всех рабочих по нашему методу работает. А надо, чтобы не меньше половины работало. Тогда по всему заводу можем программу перевыполнить.

Как начали мы по-новому работать, так вся жизнь иначе пошла.

Гляжу я на свою прошлую жизнь и не верю до сих пор, что все это—на деле, а не в сказке. Ведь до сентября я не был ни в каком другом городе, только в Горьком, да и то в самом городе редко бывал, жил на автозаводе. Ходил я только в кино да в наш щитковый театр.

Когда попал первый раз в Москву, то сперва даже растерялся. Не привык я к этому шуму, не привык к большим улицам. А в оба приезда в Москву я сразу и в театрах побывал, и в Зоологическом саду, и на метро ездил. Ходил я по улицам, любовался на нашу Москву, а сам думаю: неужто это ты, Бусыгин, что в Ветлужских лесах родился, что всю свою жизнь в деревне с хлеба на квас перебивался? Неужто это ты сам и есть Бусыгин—сидишь в Большом театре, начинаешь книжки читать? Я ведь малограмотный. Книжек никогда не читал и только недавно, месяца два тому назад, первую книжку прочел—сказки Пушкина. Очень они мне понравились. Только, правду сказать, трудно мне дается чтение. А учиться очень хочется. Ни о чем я так много не мечтаю, как об учении.

Вот, помню я, неделю тому назад, перед ноябрьскими праздниками, пришел ко мне один сотрудник газеты и говорит:

— Ну, Бусыгин, чего бы ты хотел? Все имеешь, зарабатываешь много, знатный ты человек...

А я ему говорю: очень мне хочется дальше пойти. Хочется быть не только кузнецом, но и знать, как молот построен, и самому научиться молоты строить. И знаю я — буду учиться, еще лучше буду работать. Много еще вещей, до которых сейчас не могу своим умом дойти. Спасибо, помогли мне в этом деле, предоставили учителей, и буду я учиться. Вот приеду, со всей силой возьмусь и за производство, и за учебу.

Я ведь понимаю—сделал пока я немного; это правительство мне аванс дает.

Зарабатываю я теперь много. И, правду сказать, сам не знаю, как свой заработок распределяю. Не привычен я к тому. Раньше все деньги главным образом на питание уходили, а сейчас, думаю, и питание надо будет улучшить, и одежду новую справить, да еще дома квартиру как-то нужно лучше обставить.

Когда я установил свой рекорд, то некоторые товарищи на меня обиделись. Дескать, мы не хуже, чем он, почему он установил рекорд? Но потом это прошло, и уже больше этой обиды в других я не чувствовал. Я, наоборот, всегда доволен, когда мои товарищи успевают. Вот и Фаустов, мой учитель, иногда перегоняет меня. А теперь и Казарин установил новый рекорд. Я очень рад и за Казарина и за кузницу. А когда приеду, постараюсь и его перебить и установить еще новый рекорд. Я так понимаю, что от этого будет польза государству, что действительный стахановец тот, который не только о своих рекордах заботится, не только о своей работе думает, а готов всяким советом помочь товарищу, кто радуется не только своему успеху, а и успеху всего своего цеха, всего своего завода. (Бурные аплодисменты. Возгласы „браво“.)

197632.★

**ПЕРВЫЕ
СТАХАНОВЦЫ
НАШЕГО
КРАЯ**

П. М. ФАРЫШЕВ

стахановец кузнечно-прессового цеха
Саратовского завода комбайнов

ПО ПРИМЕРУ КОРЧАГИНА

Биография у меня самая обыкновенная. Год рождения 1911. Отец крестьянин-середняк, теперь колхозник. До 1930 года я жил на иждивении отца. В 1930 году поступил на курсы трактористов, в 1931 году окончил их и стал работать. Трактористом был до декабря 1933 года, работал в Мокроусовской МТС, в Романовской МТС и в зерносовхозе „Спартак“. В декабре 1933 года я завербовался в Саратов на постройку завода „Трактородеталь“. Сначала был просто чернорабочим, а потом бригадиром. За хорошую работу на стройке был два раза премирован. Когда строительство закончилось, один мой товарищ посоветовал мне поступить на завод комбайнов. Много хорошего рассказал он мне о заводе. Это укрепило мое решение. И вот с октября 1934 года я работаю на заводе комбайнов. Поступил черно-

рабочим в кузнечно-прессовый цех. Потом меня поставили нагревальщиком к квалифицированному штамповщику Жиху. За 3 месяца совместной работы Жих познакомил меня с процессом штамповки. Он научил меня работать на прессах и на молоте. Я быстро освоил процесс производства, и мастер поставил меня прессовщиком. На прессе я работал две недели и изъявил желание перейти на штамповку. С первого января 1935 года мастер Шитов перевел меня на самостоятельную работу в качестве штамповщика. Первое время у меня дело не совсем клеилось, но я стал изучать станок, стал ходить на техучебу, и дело пошло.

В то время норма выработки была 2100 штифтов в смену. Ее никто не выполнял, не выполнял и я ее первое время. Но уже через две недели я стал выполнять норму.

Лучший штамповщик запорожского завода комбайнов „Коммунар“ тов. Кота вызвал на соревнование всех штамповщиков заводов комбайнов страны по изготовлению 2520 штифтов в смену. Он работал так же, как и я, на молоте системы „Банинг“ и давал самую высокую производительность труда. Я принял этот вызов и стал бороться за повышение нормы выработки. В этом помогла мне техучеба.

Техэкзамен я сдал на „отлично“. Осваивая технику дела, я постепенно повышал выработку и в феврале 1935 г. стал штамповать 3000 штифтов за смену. В конце февраля я уже стал делать их 4000. Меня премировали. С февраля по октябрь моя выработка не превышала 4500 штифтов за смену.

В октябре 1935 года появились в газетах статьи о стахановском движении. Редактор газеты „Даешь комбайн“ сделал сообщение об этом в нашем цехе. Мы решили включиться в стахановское движение и вызвать всех ударников завода.

После этого совещания я задумался над тем, как бы еще повысить производительность труда. Я потребовал от администрации, чтобы мне правильно организовали рабочее место, отремонтировали молот и печь. Настаивал, чтобы меня освободили от лишней работы: считать заготовку и отвозить готовые детали от станка.

От организации рабочего места зависит быстрота работы. Раньше подручный клал на железо заготовку, вынутую из печи. Железо гнулось, и трудно было брать с него заготовку клещами. Я потребовал, чтобы мне сделали стол с чугунной плитой. В моей печи, по моему предложению, расширили отверстие для того, чтобы легче было вынимать заготовку. Для облегчения труда я попросил, чтобы мне и подручному сделали клещи из более легкого материала.

Когда эти мероприятия еще не были проведены, я стал штамповать 5100 штифтов, а после проведения их—штамповать до 6000. Я так изучил свое дело, что сам произвожу небольшой ремонт молота и зачистку штампов во время работы, не вызывая слесаря. Чтобы вызвать слесаря, нужно потратить примерно один час, сам же я на это трачу не больше 10 минут. Это дает мне возможность повысить выработку. Сейчас я штамую до 8000 штифтов.

Проработав речь товарища Сталина на совещании стахановцев, я дал обязательство закрепить достигнутые успехи и бороться за выполнение программы—18000 комбайнов. Я уверен, что, работая по-стахановски, мы этого добьемся. Возьмем хотя бы один пример. Чтобы обеспечить выполнение программы, администрация хотела поставить еще один молот. Работая по-стахановски, мы доказали, что достаточно имеющемуся молоту работать полторы смены, чтобы обеспечить выполнение программы в 18000 комбайнов.

Были препятствия к моей работе и очень серьезные. Об этом говорится и в постановлении бюро горкома ВКП(б). Те простои, которые у меня были в конце ноября, явились результатом исключительно плохого руководства. Медленно наши руководители перестраивались, отличались самоуспокоенностью, всюду говорили, что „мы мобилизовались“, что „сдвиги в работе есть“, а вот анализировать каждый случай простоя не были в состоянии. Не все виновные назывались по фамилии. Не было к простоям такого отношения, как к авариям на транспорте. Ясно, что, при таком отношении к простоям, у нас не было принято решительных мер для избежания их в дальнейшем. Ни Шитов, ни начальник цеха Горлатенко не догадались другим штамповщикам цеха рассказать о „секрете“ наших успехов. Есть такие вопросы, которые совершенно необходимо довести до каждого штамповщика. Например, своевременное закрепление сальников. Ведь это у многих отнимает по часу и больше рабочего времени. Я и стахановец Копов делаем это до работы, или во время перерыва, достигая этим экономии 40—50 минут. Или вот клинья, которыми скрепляется штамп. Если они имеются в запасе, да к тому же хорошего качества, экономия времени обеспечена.

Были и более серьезные тормозы в моей работе. Когда я стал перевыполнять норму, некоторые товарищи пытались меня обвинить в том, что я увеличиваю цифру выработки и что я на самом деле штамую меньшее количество штифтов. Партийно-комсомольские организации и газета „Коммунист“ положили конец этим ложным обвинениям, тормозившим развитие стахановского движения.

Завод сделал меня другим человеком. На заводе я поступил в комсомол, получил хорошую квалификацию. Зарплата моя неуклонно растет. За ноябрь я получил 395 рублей.

Мне дали хорошую, теплую и светлую комнату. Живем мы в ней с братом, который недавно поступил на завод. Хожу в кино, театр, читаю книги. Читать я люблю. За последнее время прочитал „Воскресенье“ и две части „Война и мир“ Толстого, „Андрей Кожухов“ Степняка-Кравчинского, „Поднятая целина“ Шолохова и „Как закалялась сталь“ Николая Островского.

Больше всего мне понравилась книга „Как закалялась сталь“. Вот он передо мною, как живой, Павел Корчагин, самоотверженный, преданный революции товарищ. Ничто, даже жестокая болезнь не могла сломить его. Я вижу комсомольцев, строящих дорогу. Их окружают банды, но и тогда они работают в холоде и голоде, но не сдают.

Вот это люди!

Много времени прошло с тех пор. То, за что боролись эти комсомольцы, мы видим сейчас своими глазами. Лучше, веселее стало жить. Часто думаю я об этой книге и говорю себе: „учись, Павел Фарышев, бороться и побеждать так, как боролся и побеждал Павел Корчагин“. Я уверен, что могу достигнуть этого, потому что есть горячее желание работать не покладая рук на благо нашей социалистической родины.

Я. И. ЭРМИШ

стахановец Саратовского
8-рамного лесозавода

ПОЧЕТНОЕ ИМЯ

Лесозавод имени В. М. Молотова в Архангельске—родина стахановского движения в лесопильной промышленности. Это большой завод, равного ему нет в Европе.

Пионером стахановского движения явился там рамщик тов. Мусинский. О нем говорили товарищ Сталин и товарищ Молотов на первом Всесоюзном совещании стахановцев. А руководитель лесной промышленности Советского Союза тов. Лобов в своем докладе на пленуме Центрального Комитета ВКП(б) отметил хорошую работу Мусинского над собой, политический рост его и замечательный производственный пример другим.

Белорусский рамщик Рушко перекрыл достижения Мусинского. Он пропустил 560 кубометров через одну раму в течение одной смены, а ведь совсем

недавно 100 кубометров считалось пределом для быстроходных рам на новых заводах. А Рушко дал 560 кубометров.

Товарищ Лобов сказал в своем докладе: „Такие показатели дает не только один тов. Рушко. Сейчас на ряде лесозаводов Белоруссии: тт. Гладышев, Оголец, Копышко и Таболо, тов. Лавышев—на Шорке, тов. Козлов—на Лобвинском заводе, Свердловской области, тов. Эрмиш—на Саратовском комбинате, тт. Егоров и Ананьев—на Дубровском комбинате в Ленинградской области и другие пилюшки подхватили это дело“.

Тов. Эрмиш выдвинулся в первые ряды стахановцев лесной промышленности.

При взгляде на него, только что пришедшего с завода и не успевшего переодеться, сразу и безошибочно определяешь, где он работает.

Цепкие опилки, летящие от рамы, быстро распиливающей сосновые бревна, дождем обсыпают работающих рамщиков и рабочих, забираются во все складки одежды, попадают в карманы, назойливо лезут за воротник.

И сейчас, не совсем стряхнутые, они мелким бисером покрывают плечи знатного человека саратовского гиганта—8-рамного лесопильного завода.

На просьбу рассказать о себе, о своей работе, о том, как он применяет стахановский метод в своем деле, Яков Иванович охотно сообщил следующее:

— До 1931 года я работал на саратовских лесопильных заводах № 2 и № 3. Работал на выноске. Выносили, убирали с площадки распиленный на доски лес. Сортируя, укладывали доски в штабеля.

В 1931 году меня командировали в Сталинград на открытые там трехмесячные курсы рамщиков. Окончив курсы, я вернулся в Саратов и был принят на 8-рамный лесопильный завод уже квалифицированным рабочим-подрамщиком. Позднее был переведен в рамщики, им и сейчас работаю.

Разговор неожиданно прервали словно сброшенные откуда-то ясные звуки выполняемого на рояле веселого танца. Кто-то из детей не выдержал соблазна и включил радио.

Из новенького репродуктора музыка лилась настолько весело, захватываяще, что Яков Иванович невольно остановился.

А через минуту, улыбнувшись, он отыскивал среди детей виноватого. Одна из дочек, поймав этот взгляд, смущенно спряталась за дверь небольшого зальца. Лица других членов семьи тоже выражали смущение и какую-то неловкость от сделанного „проступка“.

— Это нам завод провел радиоустановку,—как бы извиняясь за детей, сообщил Яков Иванович.—И электрический свет провели в квартиру. 12 ноября у меня в квартире собрались стахановцы нашего завода. Я—тоже стахановец.

Были из завкома и администрация, посидели за чашкой чая, поговорили, а темнеть стало, смотрят по стенкам и на потолок, недоумевают,—почему я свет не зажигаю. Не видя ни одной лампочки, спохватились, что у меня и света-то нет, что сижу я с керосиновой лампой...

Тут же решили: провести мне свет и радио. Дети, конечно, не нарадуются... И вот видите, не выдержали и захотели щегольнуть.

Стахановский метод стал применяться все в большем масштабе нашей промышленности,—продолжал Яков Иванович,—недавно мне пришлось прочитать в газете, как один мурманский рамщик т. Мусинский дал рекорд количества распиловки. Призадумался я. Выходит, что и в нашем деле можно применить метод Стаханова.

Подумав несколько дней над вопросом, как мне увеличить количество выработки, сохраняя качество, я пришел к следующим выводам:

1. Сильным тормозом в деле распиловки служит у нас большая разнородность диаметров бревен. Отсюда вытекает необходимость тщательной сортировки их. Для успешной работы можно допустить в один „упряг“ не более двух диаметров. Следовательно бревна нужно сортировать по размерам в то время, когда они заводятся в привалы. Сейчас в наших привалах можно встретить больше десяти размеров. Подбор из привала почти невозможен, много уходит времени и денег, а поэтому сортировка нужна заблаговременно.

2. Я решил провести наклон пил при установке в раму, вместо существовавших как закон 9 мм, до 11 мм, увеличив количество движений рамы, т. е. оборотов. Дело рискованное, нужен зоркий, неотрывный глаз. Но смелость города берет...

Условился, чтобы мне по возможности поровнее отобрали бревна. Сообщил свой план пилоставу комсомольцу Целовальникову. Он с удовольствием взялся помочь мне — хороший парень, чуткий такой, отзывчивый... Обещал тщательно проточить пилы, дать им хороший развод, словом — к первому опыту мы приготовились вполне.

Результат получился самый неожиданный. Вместо обычных 100—110 кубометров распиловки за смену, в этот раз я дал 163 кубометра, причем имел простой 1½ часа. Считая в среднем 27 кубометров в час, я мог бы дать в этот раз еще 40 куб. м., т. е. выработка выразилась бы в 203 куб. метров.

Таким образом мой опыт можно считать удачным. Применив также несколько больший наклон пил и отобрав лес, другой наш рамщик, работая под наблюдением инженера, инструктора и начальника, количественно перекрыл мой рекорд.

Он достиг выработки 226 кубометров за смену, но или успех вскружил голову или недостаточно была проявлена зоркость,—у него получилось немного брака. Это, конечно, не желательно.

В свою очередь я утверждаю, что могу достигнуть своим методом 250 кубометров доброкачественной выработки. Правда, этот метод сшиб все наше планирование. Запланированный сейчас транспорт не успевает убирать распиленный лес с площадки. И это наше зло. Раз площадка завалена — работать нельзя. Приходится стоять... Но, я надеюсь, — заключил Яков Иванович, — что наша администрация справится с этим недочетом и примет меры и к заблаговременной сортировке леса.

* * *

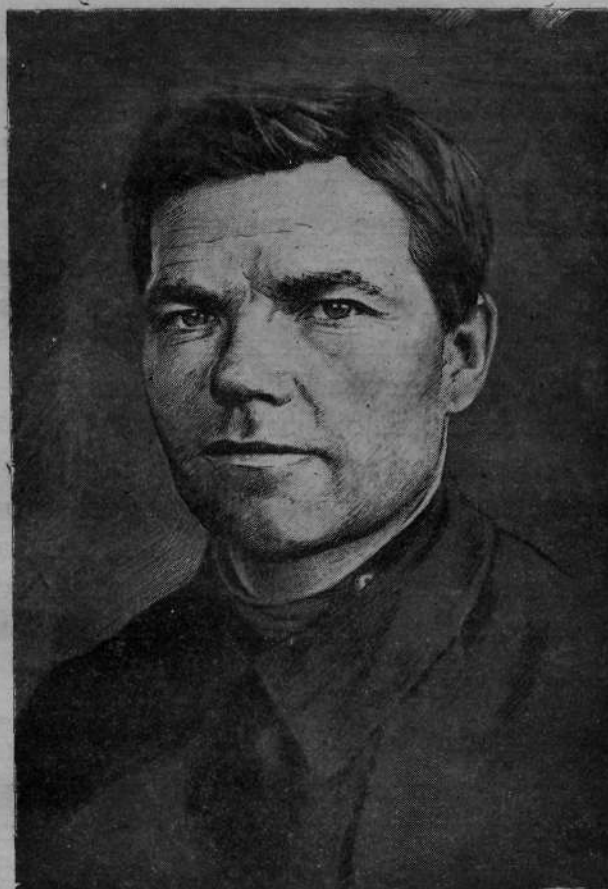
Имя Эрмиша недавно стало известным далеко за пределами Саратова. Первый Всесоюзный слет стахановцев лесной промышленности, происходивший в Бобруйске, бурно аплодировал ему. Но Эрмиша там не был: его избрали в почетный президиум слета, его сравнивали там с бобруйским стахановцем Гла-

дышевым. Рекорд Гладышева известен: он распилил в смену 523 кубометра. На 18 декабря Эрмиш перекрыл и эту норму. Он дал 604 кубометра полезной древесины для выполнения заказа завода комбайнов. Вот почему это славное имя было окружено таким ореолом почета и славы на всесоюзном слете. А рамщик-стахановец Бобруйского лесозавода тов. Рушко вызвал Эрмиша на соревнование. Яков Иванович принял вызов. Он хочет установить первый всесоюзный рекорд—дать в смену 700 кубометров. Он этого добьется, потому что его новый рекорд влечет за собой целый ряд перепланировок в системе завода, обеспечивающих установление рекордов. Раньше рама получала брусья только от одной рамы, теперь к раме Эрмиша направляются брусья от трех рам. Методы Эрмиша требуют распределения распиленного материала от его рамы (обрезка, разделка мелом и т. д.), выдвигают вопрос о сырьевых запасах. Борьба за новые рекорды—дело далеко не одного Эрмиша. Уже сейчас замечательные результаты его работы вызвали новую волну стахановского движения на заводе. Движение растет вширь и вглубь. Оно выдвинет новых достойных учеников Якова Ивановича и позволит ему самому с лихвой выполнить взятое обязательство.

А. Г. СОЛДАТКИН

стахановец автоматического цеха
завода щелочных аккумуляторов

ДОСТОЙНОЕ ЗВАНИЕ

1 июня 1935 года, возвратившись из деревни на завод щелочных аккумуляторов, я обратился в дирекцию и партком с просьбой предоставить мне возможность работать в автоматном цехе. В это время автоматный цех был самым отстающим, программа цеха не выполнялась из месяца в месяц.

Придя в цех, я поставил перед собою задачу овладеть техникой станка. Эту задачу я разрешил. После 7 дней работы я уже освоился со станком и стал перевыполнять существующие технические нормы.

На мне, как на коммунисте, лежала ответственность за состояние цеха. Для того, чтобы вывести цех из прорыва, надо было сломить традиционную косность руководителей, показать рабочему, что производительность можно резко повысить. С этого я и начал свою работу при содействии и помощи парткома.

Я стал работать, как говорится, „засучив рукава“, заражая своим энтузиазмом других. Это дало результаты. Стала, хотя и очень медленно, повышаться производительность труда и у других рабочих.

В октябре, когда Алексей Стаханов поднял знамя невиданного человеческого движения за наивысшую производительность труда, я первый получил на заводе звание стахановца. Это звание я ношу и буду носить с достоинством. Алексей Стаханов своей рекордной выработкой всколыхнул массы и нашего завода. Легко сказать, за полтора месяца наш цех наверстал упущенное и на 104% выполнил 10-месячный план.

В октябре я дал 150,5%, а в ноябре—163. С ростом выработки стала увеличиваться и моя зарплата.

Перевыполнения существующих технических норм я добился экономией времени, повседневым изучением своего станка. Но всегда, изучая технику, я старался и усовершенствовать ее. За 6 месяцев работы у станка я внес 20 рационализаторских предложений, которые направлены на повышение выработки, ломают старые технические нормы. Для ясности я приведу несколько примеров.

Раньше обточка заусенца детали „стержень защелки“ производилась на наждачном точиле. Существовала норма—4000 штук. Я стал делать при помощи введенного мною так называемого полированного барабана 28 тысяч штук. Этим же мероприятием я добился перевыполнения нормы при обточке детали „штифт ДВГ“ с 640 штук до 15 тысяч за 7-часовой рабочий день.

Я ввел реконструкцию 2-шпиндельного гайкорезного станка:

1. Заменяю 12-сантиметровые метчики (по длине) 32-сантиметровыми. Этим я достиг посадки 25 крышек вместо 2.

2. Усовершенствовал патрон для метчиков, замена которого требует всего 5 минут времени, а раньше для замены патрона требовалось 30 минут.

3. Под пролетные гнезда для крышек я ввел упорные винты, отчего в гнездах получилась большая устойчивость, что снижает брак до нуля.

4. Для нормального охлаждения резьбы и масленки шафера я ввел новые вентили.

Эти предложения обеспечивают выработку одного станка, равную по выработке 3 резьбонарезным станкам; выработка увеличилась с 1180 до 5000 гаек.

К сожалению, 90% моих предложений еще не проведены в жизнь.

То, что сделано мною, я считаю недостаточным. При проработке речи товарища Сталина на слете стахановцев у нас в цехе, я дал обязательство еще выше поднять производительность труда, полностью овладеть техникой всех имеющихся у нас в цехе станков, помочь другим стать достойными стахановцами.

„Каждый должен быть стахановцем“—таков наш лозунг. И мы этого добьемся, я в это верю!

И. И. СРОГОВИЧ

кузнец-стахановец
Саратовского затона

В ШЕРЕНГЕ ПЕРЕДОВЫХ

День этот не забудется никогда. Я только что приехал с октябрьских торжеств, которые на сей раз провел в Москве. Нас посылали туда с экскурсией лучших рабочих-ударников. Полный впечатлениями от всего виденного в красной столице, я с особым рвением принялся за свою работу в столь знакомом мне кузнечном цехе Саратовского затона. Еще бы! Не шуточное дело видеть парад на Красной площади в 1935 году, стоять вблизи великого Сталина и других наших учителей. Руки тянулись сами к работе после того, что я видел в дни празднования 18-й годовщины Октября. Да вдобавок я познакомился в Москве со Стахановым и Бусыгиным, тоже приехавшими в центр на праздник. Словом, прилив к работе после такой интересной поездки был необычайным, и я сумел в этот день за 4 часа работы

выполнить 300⁰/₀ плана. Директор затона тов. Охлопков провозгласил меня инициатором стахановского движения. Через несколько часов об этом знал весь затон. Я был горд и счастлив. Правда, в шеренге передовых я уже несколько лет. В течение последних пяти лет не помню месяца, чтобы моя выработка была менее 200⁰/₀. Я премирован 20 раз и считался одним из первых изотовцев водного транспорта, но звание стахановца обязывает к еще большему, и особенно я это понял, когда прочел историческую речь товарища Сталина, где так хорошо, ясно, именно по-сталински разъяснено, почему стахановское движение является высшей формой соревнования и будущностью нашей индустрии. Вскоре после этой речи — 6 декабря — я выполнил 500⁰/₀ дневной программы — заработал за день 40 руб.

Два основных условия определяют как мои успехи, так и достижения всего цеха. Это, во-первых, организация труда, а, во-вторых, рационализаторские мероприятия. Самое главное — приходиться в цех с твердым представлением о распорядке рабочего дня. Я прихожу в цех, как правило, до начала работы, получаю наряд, знакоюсь с чертежами и делаю разметку. Мой подручный — молотобоец Павлов — приходит в кузницу минут за 40 до смены и разжигает горн. В горн я закладываю не одну деталь, как делают многие, а две, три или четыре. Пока я обрабатываю один валик, болванка для другого греется, а вместе с ней греется и третья, положенная на место первой. Окончив один валик, я имею уже второй, нагретый до температуры ковкости. Этим я избегаю излишних ожиданий нагрева. Занят все рабочее время. Инструмент не выходит из моих рук ни на минуту. В результате такого распорядка я на поковке каждой крупной детали экономлю несколько часов.

Скоро у нас будет новый молот. Имеющийся в нашей кузнице молот на 250 килограммов относится к старому типу, но все же это не мешало нам дать высокие показатели. К числу рационализаторских мероприятий следует отнести хотя бы мою работу по применению штампов. Вот, например, в начале октября 1935 года я получил наряд на изготовление 200 фасонных ручников. Согласно размеру и фасону ручника, я изготовил штамп из инструментальной стали и отдал его для обработки в слесарный цех. Штамп этот, представляющий собою два стальных бруска с выдавленным в них фасоном ручника, позволил мне изготовить 900 ручников, и вместо положенных 300 часов я приготовил их в 150. А недооценка этих штампов имеется подчас во многих затонах.

Чувствую я себя сейчас великолепно. Этим летом отдыхал вместе с женой в доме отдыха Наркомвода в Сочи. Прошлый год два месяца был в Ялте. Вообще надо сказать, что утомляться мне не дают. А физической силы у меня хватит. В прошлом я — большой физкультурник. Ставил рекорды по тяжелой атлетике не хуже, чем сейчас в кузнице.

Мне в настоящее время 31 год. Работаю только 7 часов. В Саратовском затоне с 1922 года. Регулярно слежу за газетами. В партии я с 1930 года. Был не раз членом парткома.

В настоящее время — член пленума городского комитета партии, член райкома ВКП(б) и горсовета.

Сейчас поставил себе задачу — поднять свой общеобразовательный уровень.

Н. П. ГОЛДОБИН

бригадир стахановской бригады
на Саратовской фабрике им. Халтурина

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА

Сейчас мне 25 лет. Отец мой, железнодорожный рабочий, умер, когда мне было всего 6 месяцев. После смерти отца мать моя Прасковья Алексеевна поступила прислугой к помещику Устинову, в Еланской волости, Сердобского уезда. Я же остался у своей бабушки Марии Елисеевны в селе Изнаире, близ станции Салтыковка. Нерадостное было мое детство. Бабушка моя, как и многие старушки, была богобоязненной. По праздникам водила меня в церковь, обучала молитвам, заставляла ежедневно утром и вечером перед сном класть земные поклоны перед иконами. Вскоре приехала в Изнаир моя мать и вышла замуж за инвалида Краснова Василия Петровича. Я стал жить с матерью. Когда началась революция, мне было девять лет. Мой дядя

Василий Алексеевич участвовал в перевороте. Он организовывал в селе отряды, раздавал оружие. А мы, ребяташки, бегали по улице села и пели:

„Мы министров разогнали
И царя похоронили,
А помещиков свирепых
По ветру развеяли“.

Помню, ночь была темная, осенняя. Все село было на ногах. Никто не спал в эту ночь. Провожали отряд на станцию Салтыковка. Дядя Василий был командиром отряда. Он обнял меня и сказал:

— Ну, Колька, оставайся, будь здесь за хозяина, а коль белые придут, так в обиду им мать не давай!

— Дядя, а мне с тобой нельзя? — робко спросил я.

— Нельзя, никак нельзя, ты слишком еще мал, подрасти сначала немного...

Помню заплакал я от досады и после проводов отряда не мог заснуть всю ночь...

Когда мне сравнялось 12 лет, я был отдан в ученики в столярную мастерскую Василия Васильевича Влатова, в селе Салтыковке. Василий Васильевич относился к нам, ученикам, строго, за малейшую провинность оставлял без обеда или выгонял из мастерской. Проработал я у него в мастерской шесть месяцев и возвратился в свое родное село Изнаир и тотчас же вступил в комсомол.

Секретарь комсомольской ячейки Вася Курнин ценил меня, как активного комсомольца. Он давал мне читать книги. Помогал разбираться в политических вопросах. Ему я обязан многим.

В восемнадцать лет я был уже заправским плотником, работал на разных мелких постройках. На постройке школы в г. Ртищево мастер-подрядчик первый оценил мои способности и ставил меня в пример другим. На постройке ветеринарного пункта на станции Екатериновка способности мои еще более повысились. Руководитель работ, отлучаясь куда-либо, оставлял меня своим заместителем. Старые рабочие ворчали, кивая в мою сторону:

— Почему такому малышу доверяют работу, а не нам — старым мастерам.

В начале 1930 года я переехал в Саратов на строительство 8-рамного лесокombината. Впервые мне пришлось участвовать на большой стройке. Все было ново, незнакомо. Однако, за несколько дней я освоился и горячо принялся за работу.

На лесокombинате я принимал участие в постройке ящичного и строгального цехов и главной конторы. Был профоргом в своей бригаде плотников. Бригадир Беронин относился ко мне хорошо и не раз отмечал меня, как хорошего мастера.

После окончания строительства 8-рамного лесокombината я был переброшен на ТЭЦ на постройку жилого дома, а затем на строительство щелочно-аккумуляторного завода, где я работал месяца три рядовым плотником, а потом меня перевели в бригады.

Председатель постройкома как-то призвал меня к себе и сказал:

— Мы тебя переводим бригадиром, надеемся, что справишься с работой.

В качестве бригадира я работал на ЦАЗ, на постройке главного цеха. Вскоре поступил на вечерние курсы строителей-десятников. По окончании курсов был взят в Красную армию, где прослужил до января 1935 года.

Красная армия меня еще более подковала.

В Красной армии я получил 12 благодарностей и 8 премий за хорошее выполнение своих обязанностей по строевой службе.

После демобилизации я поехал на родину к матери, прожил в родном селе месяц и вернулся обратно в Саратов.

В Саратове я поступил на фабрику им. Халтурина токарем по дереву. Проработал 8 дней и был командирован в Салтыковский район в качестве парторга на посевную кампанию. Пробыл я на посевной 52 дня в колхозе имени Птуха и так там организовал труд, что мы свой посевной план выполнили досрочно и помогли еще колхозу „Нива“. За свою работу на посевной я получил хороший отзыв от Салтыковского райкома партии.

Вернулся я с посевной 20 мая снова на фабрику имени Халтурина, где мне было предложено принять работу бригадира молодежной бригады.

До меня в этой бригаде был Зиновий Алексеевич Горский. Он явно не справлялся с своей работой. В бригаде у него не было никакой трудовой дисциплины. По словам профорга бригады Костина, работа в бригаде велась недоброкачественно, был большой брак, нормы никем не выполнялись... При этом были в бригаде частые ссоры и даже драки.

Приняв эту бригаду, я стал знакомиться с ребятами и изучать каждого. В бригаде было 13 человек, большинство из них бывшие беспризорники, окончившие школу ФЗУ. В первое время работать с ними было трудно. Особенно выделялись своей недисциплинированностью бывшие беспризорники Владыкин и Егоров. Они никого не признавали, хулиганили и устраивали в цехе драки.

Но были и хорошие рабочие — Костин и Авдеев, которых я ставил всем в пример. С Костиным я сразу же подружился и вместе с ним стал налаживать трудовую дисциплину. Большинство ребят стали работать добросовестно и не давать брака. Только Владыкин и Егоров продолжали хулиганить. Как-то я вернулся из фабзавкома в цех, смотрю Владыкин и Егоров дерутся, а остальные все, бросив работу, смотрят на них. Я тотчас же прекратил драку и решительно заявил:

— Ребята, так дальше продолжаться не может, и больше таких случаев я не потерплю.

В тот же день я созвал бригадное производственное совещание и выступил с речью об укреплении труддисциплины и о прекращении хулиганства в цехе.

После этого собрания трудовая дисциплина стала лучше, все начали работать прилежнее.

Месяц я проработал в бригаде. За это время удалось хорошо наладить работу бригады и значительно улучшить качество выпускаемой продукции. Ребята на моих глазах исправлялись, особенно Егоров и Владыкин. Из самых отсталых и недисциплинированных они делались лучшими ударниками. Глядя на них, я радовался и старался еще более зажечь их трудовым энтузиазмом.

Через месяц, когда у нас возросла производительность труда и улучшилось качество продукции, администрация увеличила мою бригаду до 21 человека. Пополнение сделано также из беспризорников. Над ними также пришлось мне не мало поработать, прежде чем стали они заправскими рабочими.

О методах работы Алексея Стаханова и о его высокой производительности труда мы узнали из газет. О его работе мы с профоргом бригады Костиным не мало беседовали в цехе. Стаханов стал нашим любимым героем. Оба мы хотели последовать его примеру и так же, как он, поднять производительность труда. Проверя расчетные листы своих рабочих я увидел, что некоторые из них вырабатывают деталей больше чем на 200 стульев, другие даже на 300 и более, а в результате получается все же не более 50—60 стульев в день. Я стал думать над тем, чтобы каждый мог давать деталей не менее чем на 200 стульев. Поделился своими мыслями с Костиным, и оба мы надумали провести реконструкцию своей бригады, каждого рабочего поставить на одну деталь и ввести в цехе конвейерную систему работы. Для нас стало ясно, что при правильной расстановке сил и конвейерной системе мы можем работать по-стахановски, но мы не умеем все это технически обосновать. За технической помощью мы обратились к инженеру Павлу Михайловичу Баньковскому. Он оказал нам эту помощь, помог своими советами и сделал для нас необходимые технические расчеты.

После этого мы дней пять прорабатывали вопрос, как нам расставить рабочих, как сделать так, чтобы один от другого не отставал.

Наконец мы закончили реорганизацию бригады, стали работать по-новому, по конвейерной системе. Каждый рабочий теперь стоял на одной операции. Например, один производил зачистку передней царги, другой делал ножки, третий—зачистку планочки к ножке. Так же стала проводиться и сборка стульев: кто собирал передок, кто склеивал боковые царги, кто корпус и т. д. И получилось так, что люди, стоящие на одной операции, стали лучше ее осваивать, лучше следить за качеством, каждый стал отвечать за свою деталь, обезличка прекратилась, брак был сведен до минимума.

В ту пору мне пришлось порядочно поработать. Приходил я в цех по обыкновению в 5 часов утра. Делал точный подсчет деталей, какие нужны на день. Если оказывалась нехватка тех или других деталей, я шел в механический цех и просил начальника цеха Ивана Петровича Ранцева изготовить их. Со стороны начальника цеха я встречал всегда внимательное отношение.

В 8 часов обычно начиналась работа в нашем цехе. Каждый рабочий знал свое место и становился на определенную операцию.

После работы у нас ежедневно собирались пятиминутные производственные совещания. Мы отмечали, какие были за день неполадки в бригаде, кто работал недоброкачественно, кто отставал, делали общие бригадные перестановки. Особенное внимание обращали на качество продукции. Каждому вменяли в обязанность давать качество продукции не ниже, чем на „хорошо“, или „отлично“.

В течение нескольких дней новая конвейерная система привилась окончательно. Она сразу же показала все свои преимущества перед прежней системой,

• когда рабочему приходилось перебрасываться с одной операции на другую, терять много времени на переходы, на лишние обороты, на разные приспособления. В результате новой системы производительность труда сразу скакнула вверх. Первым удивился нашей работе техник-нормировщик Аксенов. Проверив выполнение норм, он не верил своим глазам и разводил руками:

— Что за чертовщина? — говорил он, нагнувшись над столом и делая подсчеты. — По норме Костин должен дать 55 деталей, а дал 250; Авдеев должен дать 35, а дал 200.

Также перевыполнили нормы и другие. Он несколько раз пересчитывал, и каждый раз у него выходило, что нормы перевыполнены на 300—400 и более процентов.

Аксенов захватил с собой нормировочные листы и явился к начальнику цеха Игнатьеву.

— Георгий Иванович, гляньте-ка на выработку голдобинской бригады.

Вся бригада стала стахановской. Не оставалось в бригаде ни одного человека, который бы не перевыполнял нормы на 200—300 и более процентов.

До новых методов работы мы бригадой выпускали всего 50—60 стульев в день, а как стали работать по-стахановски, то стали вырабатывать по 200—250 стульев в день. В последнее же время мы стали давать свыше 500 стульев в день, и качество продукции значительно улучшилось, несмотря на то, что выпуск увеличился примерно в 6—7 раз.

Заработок рабочих был раньше максимум 5 руб. в день, а теперь возрос до 35—40 руб. в день. Некоторые рабочие, как Костин и Авдеев, могли бы зарабатывать по 75—100 руб., но нехватает, по вине механического цеха, деталей, и им приходится делать вынужденные простои.

Стали мы в цехе регулярно выпускать стенгазету „Стахановец“. Больше стали обращать внимания на бытовые и культурные условия. К сожалению, на нашей фабрике со стороны администрации мало обращается внимания на бытовые условия рабочих.

Наша стахановская молодежная бригада полна энергии и готовности еще более поднять производительность труда и по меньшей мере удвоить выпуск продукции, т. е. перекрыть существующие нормы больше, чем на 100%.

Сейчас у нас имеются такие тормозы, мешающие нам поднять производительность труда на большую высоту.

Механический цех изготавливает детали не всегда одномерными—это тормозит нашу работу. Надо добиться от механического цеха одномерного изготовления деталей. Это первое.

Второе—нужно будет ввести в нашем цехе механическую сборку. Для этого нужно приобрести три ролика, небольшой вал и трансмиссию. Средства для этого потребуются небольшие—1000—1500 руб., но производственный эффект от этого может быть колоссальный. Мы тогда будем бригадой в 34 человека выпускать не менее 1000 стульев в день.

Это дело тормозят некоторые лица и, в первую очередь, начальник нашего сборочного цеха Игнатьев. Он вообще никакой помощи нам не оказывал. Вначале, когда мы только собирались работать по-стахановски, он всяче-

ски нас охлаждал и говорил, что у нас получится провал, что наша затея не даст никаких положительных результатов. Когда же мы добились больших результатов, он оказался где-то сзади и после этого к нам в цех совсем перестал заходить. Мы вынуждены были обратиться непосредственно к начальнику производства инженеру Баньковскому. С начальником производства у нас хорошие взаимоотношения. Он нам оказывает свою помощь.

Насчет трансмиссии и роликов мы обращались за помощью к техноруку и техническому директору. Они не отказывают, но и дело не продвигают. Но мы не успокоимся и добьемся нужного нам приспособления.

Было у нас общезаводское собрание, посвященное стахановскому движению. Проработали мы речь товарища Сталина на первом Всесоюзном совещании стахановцев. Она еще более зажгла нас трудовым энтузиазмом. Выступали на собрании начальники цехов и рабочие-стахановцы. Выступил и я—говорил, что мы своей бригадой подняли производительность труда в 6—7 раз и можем поднять еще больше, если со стороны администрации фабрики будут для нас созданы необходимые условия и устранены тормозы.

Собрание приняло ряд постановлений, в которых была отмечена слабая помощь стахановцам со стороны администрации и технического персонала. Было предложено техническому персоналу включиться в стахановское движение и оказать техническую помощь в переводе всех остальных бригад на стахановский метод производства. Возможно, что скоро не только одна наша бригада, а вся наша фабрика сделается стахановской.

Пока вся беда в том, что существующий у нас механический цех мал и не приспособлен для выпуска продукции в нужных размерах. Он далеко не полностью загружает нас деталями. Через него наша бригада имеет большие простои. Поэтому довольно остро ставится вопрос о расширении и дооборудовании механического цеха. Такое расширение уже намечено. Механический цех скоро перейдет в новое обширное здание. Дирекция фабрики уже закупила для этого цеха несколько станков. Два станка уже отгружены и скоро будут получены. Будет расширен и обделочный цех. Сейчас строится сушилка. Существует проект, по которому наша фабрика должна значительно расшириться и превратиться в огромный деревообрабатывающий комбинат.

Таков наш радостный завтрашний день!

П. Е. ЗИБРОВ

стахановец-прессовщик
Саратовского завода им. Ленина

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Когда мне приходится кому-либо рассказывать свою биографию или писать ее, я обычно начинаю с 1920 года, с того времени, как поступил на завод им. Ленина. Мне кажется, что моя жизнь началась именно с этого момента.

Родился я второй раз в 1920 году, когда поступил на завод нагревательщиком в прессовый цех.

Тут началась моя настоящая рабочая жизнь.

Нагревательщиком проработал 5 лет. За три месяца до призыва в Красную армию поставили меня учеником на пресс. Работа пошла сразу на лад. Это понятно, ведь 5 лет я работал возле пресса, когда был нагревательщиком. Все жалел, почему раньше к прессу не просился.

С военной службы вернулся в 1928 году и пошел на тот же завод. Сразу же встал на фрикционный пресс — прессовщиком. Быстро освоился с работой. Начал перекрывать нормы. Все время был ударником, премировался.

Стахановское движение подтолкнуло меня, еще больше воодушевило. С октября я стал все больше и больше увеличивать свою норму выработки. За октябрь перекрыл на 188%, за ноябрь — на 200%. При норме 1580 шт. рельсовых болтов — делал 2800—3000 шт. Уплотнил рабочий день. Каждое движение строго рассчитал. Нагревательщики, от которых зависит моя работа, также подтянулись. Хорошо нагретые болванки, своевременная подача имеют немалое значение. В общем дело у нас пошло. Станок свой изучил. Раньше инструменты вставлял не сам, теперь сам ставлю. Рассчитал, что этим сокращаю время на вставку. Немалое значение имеет и то, что я, прислушиваясь к работе пресса, улавливаю малейшие неполадки и, если не удастся устранить их на ходу, сейчас же вызываю слесаря. Таким образом я не допускаю остановки пресса для ремонта на долгое время. Я так рассуждаю: если, скажем, заболел человек и сразу не начал лечиться — болезнь разовьется. Не скоро тогда ее вылечишь. А машина тоже как организм человека. Все части должны нормально работать, чтобы перебоев не было.

Перекрывать норму на 200% — это еще недостаточно. Легко довести до 250%. Если нагревательщики еще подтянутся и, самое главное, не будет у меня простоя из-за отсутствия сырья и подсобных инструментов, что часто у нас наблюдается, — я безусловно добьюсь 250%.

Теперь и жизнь моя по-иному пошла. Зарабатываю 700—800 рублей в месяц.

Вместе с другими стахановцами нашего завода ездил в Москву на октябрьские торжества. Там Главметиз тепло встретил нас. Всех премировали ценными подарками.

О Москве я и не мечтал никогда, а теперь вот пришлось побывать, да еще с каким почетом!

Что и говорить. Новая теперь жизнь. Счастливая и радостная!

П. П. ПЕТРОВ

стахановец-кузнец
Саратовского завода им. Ленина

СЧАСТЛИВОЕ НАСТОЯЩЕЕ

Мой сынишка Костя как-то спросил:

— Папа, у тебя тоже были игрушки, когда ты был маленький?

— Нет, игрушек у меня не было. Да и некогда играть мне было, — ответил я и рассказал ему о своем детстве.

— Я подарю тебе все мои игрушки — играй теперь в них, — участливо предложил он. На глазах у него были слезы.

* * *

Мое детство. Стоит ли о нем вспоминать? Нерадостное оно было. Тяжелое.

В 1912 году 16-летним мальчиком ушел на заработки в Саратов и поступил чернорабочим на гвоздильный завод (теперь завод имени Ленина). Положили мне 70 копеек в день. Я стал рабочим.

Грянула мировая война. В 1915 году призвали в царскую армию, наскоро обучили и отправили на германский фронт. Там я вскоре попал в плен.

Помню, когда нам в лагерях объявили, что можем возвратиться на родину, мы плакали от радости. Мы уже знали, что в России революция, царь свергнут, опрокинуто временное правительство и власть перешла в руки Советов.

В декабре 1918 г. я возвратился в Саратов и тут же поступил молотобойцем в кузницу. В 1920 г. был приказ Совнаркома о возвращении на гвоздильный завод всех рабочих, которые работали на нем до революции.

И вот с 1920 г. я работаю на заводе им. Ленина. Пять лет работал молотобойцем. В 1924 г. вступил в ряды ВКП(б).

Свою норму перекрывал еще задолго до стахановского движения и был ударником. Перекрывал я нормы на 160%. Поняв исторический смысл и значение прокатившейся по всему нашему Союзу волны стахановского движения, я поставил себе задачей всемерное повышение показателей своей работы.

Уплотнил рабочий день. Ни одного лишнего шага, ни одного лишнего движения. Расчистил свое рабочее место и организовал его так, что все нужное мне в работе находится возле меня, под рукой. Для поковки стальных матриц из 100-миллиметровой стали сократил лишний нагрев. Еще тщательнее стал следить за ходом молота, устраняя на ходу неполадки. Результат сказался.

В октябре я перевыполнил норму на 205%, в ноябре—на 263%.

Этот процент далеко еще не достаточен. Я считаю, что у меня есть все возможности довести перевыполнение до 500%.

Однако, как говорят, „один в поле не воин“. Нужна помощь и администрации завода. Сейчас заготовку болванок для поковки я режу сам. Это очень неудобно, так как отнимает много времени. Мы, кузнецы, уже поднимали вопрос, чтобы нам эти болванки подавались в готовом виде, т. е. уже нарезанными. Предложение одобрили, конечно, обещали, но до сих пор в жизнь не провели. Я предложил для этой цели поставить дисковую пилу. Правда, была бы затрата некоторая, зато и для дела польза не маленькая.

С своей стороны я буду добиваться, буду бороться за них и считаю, что на достигнутых показателях не останавлиюсь. Думаю, что и администрация пойдет мне навстречу и поможет. Я уверен, что дело у нас пойдет.

Работа по-стахановски улучшила и мои материально-бытовые условия. Зарабатываю недурно—от 400 до 500 рублей. Несколько раз меня премировали.

На октябрьские торжества меня, вместе с другими нашими стахановцами, послали в Москву. Я был в столице. Разве я когда-нибудь мог мечтать об этом? Мавзолей, Красная площадь, октябрьская демонстрация, метро, Третьяковская галерея. Теперь еще голова кружится. Столько радости! В Москве нас, стахановцев, Главметиз особо премировал. Мы все получили ценные подарки. Даже не верится, будто во сне все это. Смотрю я теперь на своего сына и радуюсь.

— Рости, Костя, учись! Ты родился, ты живешь в счастливой стране. У тебя впереди светлое будущее!

А. Е. ПОЛИКАРПОВ.

стахановец-токарь колесного цеха
Саратовского ремонтного завода РУжд.

ВЫСОКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Стахановское движение не могло пройти мимо нас, рабочих-ударников. Я заинтересовался этим движением с самого начала его появления. Внимательно следил за газетами и стал добиваться высоких показателей в своей работе. А ведь совсем недавно колесный цех был в серьезном прорыве. Производственную программу наш цех не выполнял в течение ряда лет. К этому было много причин. Во-первых, совершенно недостаточно был уплотнен рабочий день, во вторых, — низкая техника. А это определяло и первое. Взять, например, режущий инструмент. Он долгое время находился в недоброкачественном состоянии, а после того, как нам дали резцы твердого сплава, быстро поднялась производительность колесных пар. В течение месяца я увеличил свою норму от 6 колесных пар до 12. Но этого одного мало. Как замечательно сказал

товарищ Сталин: „Техника без людей, овладевших техникой,—мертва“. Сила производственного примера Стаханова и то внимание, какое партия и правительство уделяют стахановскому движению, сыграли решающую роль. Каждый сознательный рабочий не может оставаться в стороне от стахановского движения.

Когда я прочел речь товарища Сталина на Всесоюзном совещании стахановцев промышленности и транспорта, то достиг выполнения уже не 12, а 15 колесных пар и обещаю эту норму сперва закрепить, а потом и увеличить.

Раньше я работал в сельском хозяйстве. Много лет ходил за сохой. Первую пролетарскую школу прошел в Красной армии. В настоящее время не только сам добиваюсь высоких показателей, но и подготавливаю учеников. Васянина, Михайлов, Емелин под моим руководством стали прекрасными производственниками, а Михайлов уже самостоятельно работает на шеечном станке.

Важна еще рабочая смекалка. Сейчас у меня имеется мысль о реконструкции контрпривода и перевода ремня с оси на обод. А это даст увеличение скорости еще более, что обеспечит 17—18 колесных пар.

Твердо надо помнить указания вождя, что техника во главе с людьми овладевшими техникой, может делать чудеса.

В. И. КОРШУНОВ

стахановец-штамповщик
Саратовского завода „Трактородеталь“

РЕКОРДЫ НЕ ПРЕДЕЛЬНЫ

Слава моя на заводе родилась в конце сентября, когда вместо нормы в 500 штук я сделал со своей бригадой 765 штук детали № 90, а 22 сентября мы дали их 835 штук. Но особенно прославилась моя бригада на изготовлении детали № 448. Норму в 603 шт. мы перевыполнили сначала на 200%, дав 1211 штук, а впоследствии—1300 и, наконец, даже за 6 часов мы стали их вырабатывать 1700 штук.

Что создало нам этот успех? Конечно, прежде всего — знание своей машины, освоение техники. Члены моей бригады, как и я сам,—фабзаучники. Я старше всех в бригаде и окончил школу ученичества на заводе „Трактородеталь“ всего год назад. Два месяца затем я проработал практикантом на Сталинградском тракторном заводе. В первое время, вернувшись на завод,

я участвовал на сборке горизонтально-ковочной машины, той самой, на которой я работаю теперь. Это позволило мне ее хорошо изучить. Я легко теперь замечаю малейшую неполадку в машине и сейчас же требую вмешательства слесарей, где это надо. Я и сам наладчик.

Второе условие—это спайка в бригаде. Я крепко стою за каждого члена моей бригады, дорожу им. Стараюсь побеспокоиться даже и о культурных нуждах членов бригады, скажем, достать билет в театр. А уж в работе каждый из них у меня на виду. Некоторые так управляют своей бригадой: случится ли пережог, или какая-нибудь другая неполадка в работе, сейчас же начинают писать рапорты мастеру, требовать сверху вмешательства. Я действую по-другому: советую, показываю, прошу чаще обращаться ко мне со всеми недомоганиями. За это бригада мною довольна. Особенно хороший контакт у меня с моим ближайшим помощником—Малафеевым. Мы друг друга с одного взгляда понимаем: скажем, дает он мне недогретую деталь, мне только взглянуть на него,—он уже понимает, в чем дело. Но и остальными я доволен. Например, Волков слабоват был в работе, держал я его в бригаде только потому, что сочувствовал ему: низкая квалификация, мал заработок, у других он и того меньше зарабатывал бы. А теперь все бригадиры у меня его с охотой просят к себе.

Третье условие наших побед — это изменение метода нашей работы. Жалею каждую минуту дорогого времени. Раньше клали в нагрев металла на 2—3 штуки деталей. И если отштампуеть быстро, то поджидаешь следующую порцию. Сейчас мой помощник закладывает в печь сразу на 8—10 штук. Значит и поворачиваешься быстрее; знаешь, что тебе деталь ждать не придется.

Все наши рекорды я никак не могу считать предельными. Я даже затрудняюсь сказать, во сколько раз мы могли бы превышать нашу норму. Нас задерживают многочисленные неполадки в нашем и соседних цехах. Нас задерживает недостаток и плохое качество штампов, металла, инструментов. Дело доходит до того, что вместо 7 часов мы работаем 3—4 часа, а остальное время идет на наладку, на возню со штампами и другие работы.

Сейчас я получил месячное производственное задание и выдвинул встречный план: я обязался выработать за 25 смен столько, сколько по норме должен был бы выработать за 38 смен. Но и это не предел. Главное, чтобы дали нужные условия—штампы, металл, ремонт машин.

Сейчас я на заводе не один рекордист. Мои сменщики—штамповщики—работают тоже по-стахановски и догнали меня. Есть десятки стахановцев в других цехах. И мое самое горячее желание заключается в том, чтобы по-стахановски работали все цехи и особенно инструментальный, который сейчас нас сильно задерживает. И второе—надо побольше чуткости, внимания и отзывчивости к нашим нуждам со стороны инженеров и мастеров. И тогда мы дадим столько деталей к тракторам, что ни один трактор не будет иметь в них недостатка.

ЭЛЛА ДОРТМАНИ

стахановка Маркштадтской табачной фабрики им. „Карла Маркса“.

ЭЛЛА ПОБЕДИЛА

Рабочее собрание Маркштадтской табачной фабрики имени Карла Маркса в разгаре. Доклад закончен, начались прения. О стахановском движении Элла уже много слышала. Она уже обдумала подробный план, как это сделать, чтобы перейти на работу на двух набивных машинах. Только смелости не хватало открыто выступить и заявить об этом. Саша Шмидт сейчас смотрит на нее подбадривающим взглядом—с ним она уже делилась своим секретом. Ему она доверяет. Он недавно принят в группу сочувствующих и вообще хороший парень.

Председатель собрания громко объявляет: „Слово имеет ударница товарищ Дортмани“.

В зале стало внезапно тихо. В текущем году комсомолка Элла не раз показывала, что может дать человек, овладевший техникой. До сих пор ни одной машинистке не удалось ее догнать в выполнении плана.

Элла не оратор и говорить не любит, тем более перед такой большой аудиторией. Она покраснела, но Саша опять ей кивает.

— Я буду работать на двух машинах,—как-то неожиданно прозвучал голос Эллы от стола президиума, где она стояла. Шопот прокатился по залу. В углу, где находились машинистки Дортхен и Каролина, послышался Элле девичий визг. Но она собралась с силой воли и продолжала:

— Только надо ближе сдвинуть друг к другу машины и отдельный мотор не надо ставить. Все это можно пристроить к общей трансмиссии.

Элла говорила еще о том, что неверно, когда сами машинистки два раза в день должны во время перерыва чистить свои машины. Говорила о других ненормальностях.

„Это очень рискованная штука, товарищи, доверять такой молодой девушке две дорогие машины. Вы не забывайте, товарищи, что каждая набивная машина стоит 24000 рублей“. — Это мнение мастера и старшего регулировщика.

Саша Шмидт полностью поддерживает Эллу. Дирекция обещает завтра же приступить к подготовке перехода на работу на двух машинах.

Собрание закончено. Девушки заговорили. Вблизи от себя Элла заметила свою товарку по машине из другой смены. Обратилась к ней:

— Как ты думаешь, Дортхен, вытянем?

— Я не знаю, Элла... Справимся ли?—ответила та робко.

— Ну, нам Саша поможет.

На следующий день, вопреки желанию мастера и старшего регулировщика, началась подготовка всерьез к переходу на работу на двух машинах. Почти целый день возились люди у машины Эллы. Некоторые измеряли, примеряли, а другие просто так присматривались.

На противоположной стороне цеха, в стороне от машины Эллы, девчата стояли группой и о чем-то шептались. Некоторые горячо уверяли сотоварок, что никогда это не осуществится, что Элла не сможет обслужить две машины. Не может этого быть!

* * *

Первое декабря. Часы только что пробили четыре, но Элла уже встала. Какая это была долгая и беспокойная ночь!

— Чего ты рано встаешь, Элла? — спрашивает мать.

— Я больше спать не хочу,—отвечает Элла.

— Не заболела ли она?—думает мать.

Элла все пытается отогнать мысль, что она не сумеет сегодня работать на двух машинах. Она еще и еще проверяет свои расчеты и начинает чувствовать себя уверенно.

На полчаса раньше обычного Элла сегодня идет на фабрику. В цехе она застала Сашу Шмидт, уже занятого осмотром ее машин. Еще был здесь товарищ Новиков — заведующий техническим отделом. Он посмотрел на нее сво-

ими приветливыми голубыми глазами, протянул ей руку и, дружески похлопывая по плечу, сказал:

— Ну, Элла, сегодня начнем.

Саша настолько был занят осмотром машины, что даже как-то небрежно ответил на „гутен морген“ („доброе утро“) Эллы.

Элла накинула серый халат и ближе подошла к Саше. Сердце ее трепетно билось от какой-то необоснованной боязни. Цех постепенно заполнялся людьми. У нее было сейчас только одно желание: поскорее бы началась работа. На щеках у нее появился свежий румянец. Добродушные карие глаза блестели, как в лихорадке. Красная повязка, немного островатый нос с горбинкой, каштановые волосы—все это больше напоминало грузинку, чем маркштадтскую немку.

Как острым ножом кольнул в груди Эллы при неожиданном гудке, призывающем к началу работы. Она даже вздрогнула, как будто впервые слышала этот гудок. Но тут же выправились и встала наготове у своих машин. Трансмиссия вздрогнула, и машины завертелись. Саша и тов. Новиков что-то ей еще говорили, она ничего не поняла, но она знает—эти двое не дадут ее в обиду.

Цех наполнился обычным шумом. В носу пощекотало от табачного запаха. Пачки махорки, одна за другой, высывались из транспортера. Все это для Эллы было не ново. Разница, оказывается, только в том, что напряженнее пришлось смотреть за обеими машинами, подавать бумагу и следить за механизмами. При одной машине редко случались остановки, но две машины все-таки труднее обслуживать. Она почти уже забыла, что сегодня первый день работает на двух машинах.

Действительно тяжело работать впервые на двух машинах. Но Элла знает, что это в начале. Так же трудно ей было работать первый раз и на одной машине. Но это было только первое время. Очень скоро она освоилась, и машина заработала, как часы. Элла заработала увереннее.

К обеденному перерыву было готово 38 ящиков. Новое оборудование еще не совсем ладило. Кончилась дневная смена. Элла обрадовалась. Саша и товарищ Новиков сказали ей еще несколько подбадривающих слов, и она вернулась с большим облегчением и радостно домой. Так прошел первый день работы на двух машинах.

Третьего декабря Элла уже совершенно уверенно стояла у своих машин. И если девчата еще немного хихикали, то это ее больше не трогало. Она теперь была полностью уверена в своей удаче. Элла теперь и машину больше не чистит. Эту работу по всему цеху исполняет специально выделенная бригада работниц.

К концу осени Элла выработала шестьдесят восемь ящиков против нормы—тридцать пять.

Последующие дни прошли еще лучше.

Седьмого декабря, когда Элла вошла в набивочный цех, группа машинисток стояла у доски объявлений и рассматривала выработку и заработок.

— Девчата, смотрите сюда, на Элли,—азартно говорит одна из машинисток и указательным пальцем тычет на графу Элли Дортмани. Все глаза уже и без того были устремлены на это место. Вот цифры, которые их так интересовали:

4 декабря—7 часов работы, 84 ящика, 15 р. 76 к. заработок,

5 декабря—7 часов, 78 ящиков, 14 р. 04 к.

7 декабря—7 часов, 86 ящиков, 16 р. 34 к. заработок.

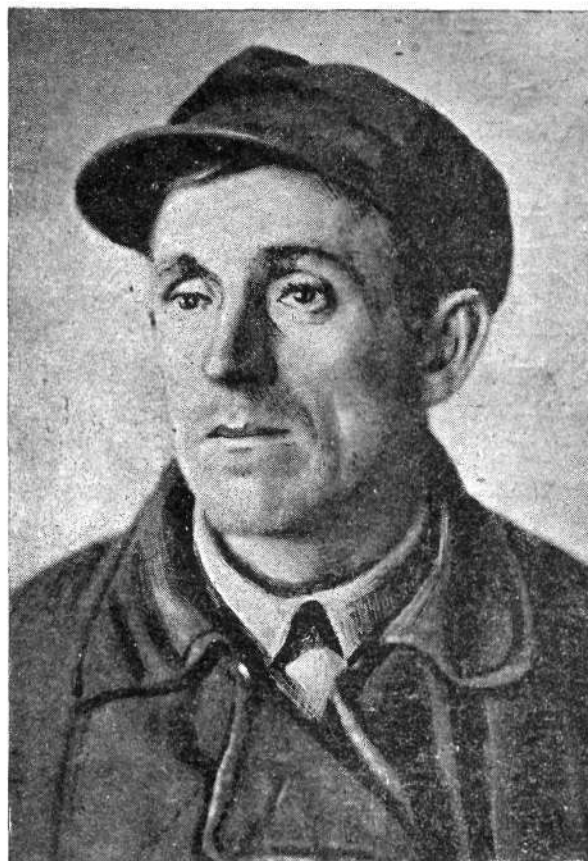
Заработок других машинисток за эти же дни был от 5 до 7 рублей.

Но рабочие фабрики знали, что победа Элли не в возросшем заработке, а в том, что она первая подхватила великое начинание, что она первая стахановка среди маркштадтских рабочих и работниц, что она показала всем рабочим фабрики, чего могут добиться люди, овладевшие техникой, выполняя лозунг вождя всех народов товарища Сталина.

ГЕЙНРИХ ВАЙМАН

стахановец Маркштадского
дизельного завода „Коммунист“

НАШЕ ЗНАКОМСТВО

Он худощавый среднего роста мужчина. Голубые ласковые глаза, которые откровенно смотрят на тебя, кажутся всегда смеющимися. Его русые волосы и юношеское лицо никак не дают знать, что ему уже 38 лет. Товарищ Вайман разговорчив. Как его премировали — он рассказывает так:

— Когда я пришел с патефоном домой, которым меня премировали, меня жена спрашивает: „А сколько эта штука стоит?“ — Я говорю, так 350 руб. примерно. „Так они бы лучше дали тебе денег, — говорит, — и мы бы купили себе свинью“.

Признаться, я тоже так думал, но жене говорил: пусть будет так, они наверное лучше знают, чем надо премировать. И когда я теперь возвращаюсь с работы домой, меня встречают детишки и пристают до тех пор, пока я не заведу

патефон. Как-то веселее стало в доме. Я бы теперь даже и на породистую свинью не променял патефона.

Больше всего мне нравится песня Чапаева, которую он пел в ночь перед битвой. У меня пластинка такая есть.

При этом я всегда вспоминаю восемнадцатый год, — накануне взятия Горловки.

— Вы, значит, участник гражданской войны?

На лице товарища Ваймана, запачканном сажей, появляется широкая, гордая улыбка. Он продолжает:

— Я ведь был в первом Екатерининштадтском немецком коммунистическом полку. Ясно, что петлюровцы о нашем полке распространяли всевозможные слухи. Это мы узнали от горловских рабочих после того, как мы петлюровцев выгнали из Горловки.

Помню, как-то вечером приехал к нам комиссар. Он, сидя на большой белой лошади, говорил нам речь. В конце своей речи он говорил: „Мы, большевики, такие люди, что никогда не отступаем“.

Это мы и доказали на следующий день...

На этот завод я пришел 14-летним мальчиком. Тогда, конечно, не было еще этого красавца „Коммуниста“, который мы сейчас видим, который уже занимает больше 2 кварталов. Это помещение, в котором мы сейчас находимся, и был тот самый Шеферский завод. Здесь сейчас помещается наш ремонтный цех.

Пришла империалистическая война, я должен был возвратиться домой в хозяйство. Мои два брата были призваны на войну. Затем пришла гражданская война, и только после демобилизации я опять вернулся на завод, но теперь уже не Шеферский, а советский.

Как я стал стахановцем? Я уже раньше читал в газетах об этом замечательном человеке. Когда у нас на собрании наш Бинеман обязался применить стахановский метод работы на своем станке, я решил это дело хорошо продумать.

Я работаю контролером на испытательной станции, где перед выпуском проверяется мотор. Сейчас меня дирекция временно перебросила в монтажное отделение. Мы ведь новый мотор строим, и для этого нужны квалифицированные силы.

Так вот для проверки мотора у нас раньше была норма 75 часов. На самом деле некоторые моторы простаивали до 175 часов. Затем мы получили новую норму — 35 часов. Многие из наших рабочих не соглашались с этой нормой, считали невозможным в такой срок проверить мотор. Я сказал: там наверно лучше знают, какую норму дать. Ведь норма эта проверялась в Москве и у нас тут. Одним словом я взялся тут же и выпустил двигатель в 40 часов. Я заранее нагревал запальники, и, как только был дан свисток о начале работ, мои двигатели тут же пошли в ход. Пока другие ребята в цехе нагревали запальники и собирались пустить свои двигатели, мои уже были на полном ходу. Я стал очень внимательно прислушиваться к ходу мотора. После 5-минутного хода я его останавливал, устранял дефекты и опять пускал на 5 минут. А раньше двигатель бежал целые 3 часа, пока его не начинали проверять. Нужные мне при

работе инструменты я в строгом порядке раскладывал, чтобы все было под рукой. Таким образом я норму в часах очень сократил и в ноябре выпустил двигатель в 16½ часов. Это у нас пока на заводе рекордная норма. Другой еще никто не дал. Но товарищ Бельш догоняет меня. Он в ноябре выпустил мотор в течение 18 часов. Немножко не дотянул. Но больше 20 часов у меня мотор не простаивает на контроле. При этом я еще делаю экономию горючего и смазки. Раньше в месяц расходовалось у меня 22 литра нефти и 3 литра смазочного, а теперь — 5 литров нефти и ½ литра смазочного.

Сколько сейчас я зарабатываю? В октябре мой заработок был 450 руб., в ноябре тоже немного больше — 400. А раньше, до применения всех этих улучшений в работе, я зарабатывал 250—260 рублей в месяц.

После нескольких наших вопросов товарищ Вайман коснулся своей работы в монтажном цехе.

— В монтажном цехе я работал так: выбрал себе хорошего парня в помощники, ежедневно его инструктировал, как надо работать. И уже в августе мы собрали 9 двигателей. Раньше у нас цифра колебалась от 2 до 5. В сентябре я поставил себе задачу выпустить 12 двигателей и сделал. А в октябре мы уже выпустили 15 двигателей. Другие рабочие монтажного цеха стали подтягиваться. Товарища Феллера я вызвал на соцсоревнование, и он в октябре тоже смонтировал 8 моторов.

Но я теперь еще больше чувствую свою слабость в знании техники своего дела. Я должен еще много и много учиться. Я должен свою квалификацию еще на много повысить, это я открыто сознаю. Моя основная задача теперь — лучше работать, чтобы лучше и веселее жить, как это товарищ Сталин сказал.

Тут тов. Вайман нам рассказал некоторые события из жизни завода. Как он летом случайно встретился с товарищем, с которым вместе был на фронте в гражданскую войну. Тогда они не знали друг друга. Теперь как-то заговорили о гражданской войне и оказалось, что этот парень был тогда матросом и находился на броневике, потерпевшем аварию вблизи Горловки, где товарищ Вайман принимал горячее участие в восстановлении разобранного пути. Теперь этот парень работает в Москве и летом приезжал принимать партию судов двигателей на заводе „Коммунист“.

Товарищ Вайман посмотрел на стенные часы, взял фуражку и сказал извиняюще:

— Я ровно в шесть должен быть на занятии.

— Вы еще учитесь?

— Я посещаю 2-годичную вечернюю школу мастеров при нашей ФЗС. Если я эту школу кончу, то могу быть мастером.

— Желаю Вам успеха!

Мы попрощались, и он пригласил нас завтра, во время работы, посетить его в цехе. Спешными шагами он вышел.

На следующий день в цехе мы встречаемся с товарищем Вайманом уже как знакомые. Сразу заметно, что он чувствует себя как дома. Каждый шаг и каждое движение у него строго рассчитано. Лицо его сегодня гораздо серьезнее, чем вчера. Он и не так разговорчив, как вчера. Отвечает коротко и только

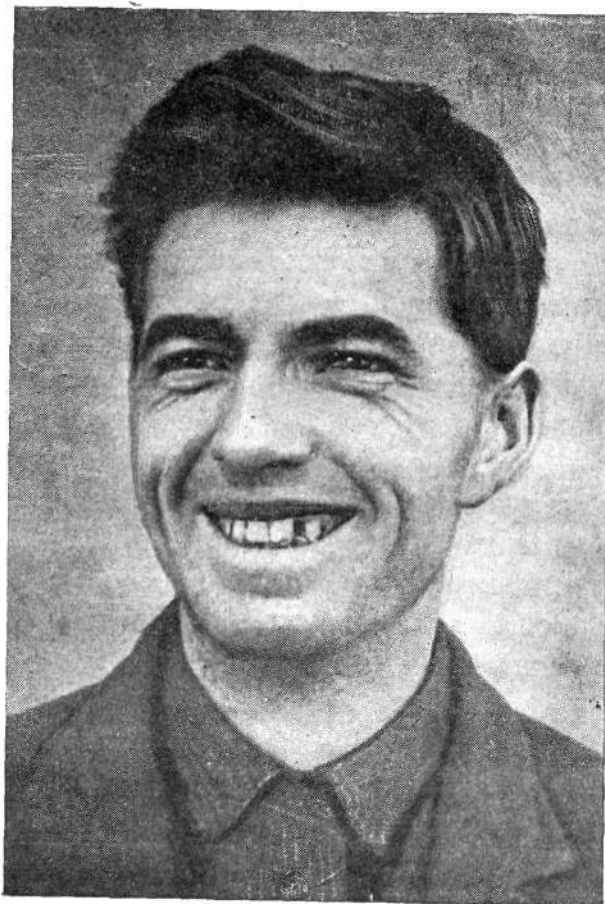
на момент спускает взгляд с мотора. Временами появляются складки на лбу, как вчера при воспоминании о гражданской войне. Это случается тогда, когда он внимательно прислушивается к такту мотора. Для него, вероятно, вовсе не существует этот адский шум. Тут стоит около десяти моторов, и каждый усердно хлопает частой дробью, как пулемет. Но товарищ Вайман слышит только свой мотор. То он рукой его ощупает, словно проверяя пульс мотора, то он регулирует смазочную систему, а мотор себе звонко выхлопывает, будто радостно извещая всему миру о своем рождении.

Голубые глаза тов. Ваймана веселы. Теперь он выглядит так же юношески, как вчера.

ЯКОБ БИНЕМАН

стахановец Маркштадского
завода „Коммунист“

ЗАЧИНЩИК

Он ласкает своего маленького Виктора и, беря свою спецовку, говорит матери и жене:

— Сегодня ночью я хочу доказать, что можно дать на одном станке.

Жена и мать знали, о чем говорит Якоб. В последние дни он только и вел разговоры о рекорде шахтера Донбасса Алексея Стаханова.

Раз вернулся Якоб Бинеман домой с завода, это было в октябре. Только что кончилось заседание фабкома. Якоб с восторгом рассказывает своим:

— Можете себе представить, Стаханов ведь перекрыл свою норму на шахте в десять раз!

Он говорил о Стаханове, как о своем родном брате.

— Многие из наших рабочих,—продолжал он,—не верят этому. Они не верят, что можно дать такую высокую производительность. Так я сегодня на собрании дал обещание как профорг доказать, что и у нас на „Коммунисте“ можно на много увеличить производительность у станка.

Как обычно, Якоб Бинеман сегодня пришел в цех на четверть часа раньше гудка. При появлении в цехе его тут же осыпают с разных сторон вопросами и извещениями: такой-то станок дал сегодня высшую производительность; рабочий такой-то дал рационализаторское предложение, другой опоздал на пять минут и т. п. Якоб внимательно выслушивает все извещения. Но основная мысль у него,—как повысить производительность труда? как применить стахановский метод работы на токарном станке?

Сирена известила о начале работы смены. Якоб привел в порядок все инструменты у своего станка, поточил резцы. Четырнадцать кронштейнов лежали у станка и ждали обработки. Это дневная норма. Якоб учитывал каждое движение, лучше обычного использовал станок и скоро увидел плоды своего хорошо продуманного и организованного труда; он обработал не 14, а 23 гранштейна—164% нормы!

И так Якоб Бинеман стал первым стахановцем на заводе „Коммунист“.

На станке Бинемана работает еще опытный производственник Фридрих Гюнтер. Как-то Гюнтер дал брак во время своей смены и не выполнил нормы.

— Фриц,—сказал ему Бинеман,—я профорг в нашем цехе, и с нашего станка каждый рабочий должен взять пример.

Якоб ему рассказал, как он работает и выполняет свою норму на 200%. Гюнтер тщательно придерживался советов Якоба и уже в следующей смене выполнил норму на 300%. С большой радостью Якоб записал Гюнтера на красную доску после своей фамилии.

На станке № 123 рабочие Давид Пауль, Иоганнес Гюнтер и Яков Сабельфельд обрабатывают регуляторы скоростей для судовых моторов. Норма 10 штук в смену.

— Ваня,—говорит Бинеман Гюнтеру,—ты попробуй-ка по стахановскому методу работать, у тебя тоже больше должно получиться.

И Ваня „попробовал“. Он на этот раз сделал 14 регуляторов. После гудка профорг Бинеман собрал токарей своей смены и рассказал о применении стахановского метода работы на токарном станке и как он и Гюнтер работают.

— Нам только нужно лучше нашу работу организовать, привыкать надо учитывать минуты и секунды во время работы,—разъяснял Бинеман.—Разве Давид Пауль и Яша Сабельфельд не так же могут работать на этом же станке, как их товарищи?

— Конечно, можем,—ответил Сабельфельд.—Я в смену сделаю 20 регуляторов.

И Сабельфельд сдержал свое обещание.

Вольдемар Вормсбехер сделал предложение, как ускорить первую операцию при обработке гранштейна. Кузнец Шауфлер организовал непрерывное литье металла. Другие рабочие дали „маленькие“, но ценные предложения в „золотой рабочий фонд“ завода.

В. И. СВЯТКОВ

стахановец-мельник
Вольского завода „Большевик“

ТЕХНИКА ПОМОЛА

Василия Ивановича Святкова — мельника завода „Большевик“ — знает теперь весь Вольск. На заводе он работает с 1929 года; с 1930 года работает мельником.

„Раньше я не знал, что такое марка „000“, — говорит тов. Святков. — Мой тесть работал на карьере. Однажды он мне и говорит:

— Марка „000“, Вася, — это хороший цемент. Ты не жди, когда из лаборатории придут и скажут тебе, крупный или мелкий идет цемент. Сам туда почаще ходи, учись узнавать, на палец определять, каков он — цемент.

Этот совет оказался мне очень нужным. Я стал ходить в лабораторию, пробовать цемент и на палец, стал овладевать техникой и качеством помола“.

Дело это очень тонкое, одной практики мало. И товарищ Святков в 1934 году

поступает на технические курсы, без отрыва от производства, а в мае 1935 года сдает государственный технический экзамен на „отлично“. Заботливо и с любовью относится Василий Иванович к делу.

„Стахановское движение,—говорит он о себе,—для меня было толчком. Особенно речь товарища Сталина. Задор, воодушевление, подъем испытывал я. А мысль стала работать над таким вопросом: как повысить часовую производительность мельниц, как оседлать эту самую мельницу.

С чего я начал? Прежде всего я стал правильно задавать в мельницу клинкер. Раньше мы этому не придавали большого значения, частенько перегружали мельницу. От этого и недовыработка получалась, и страдало качество цемента. При определении на ходу, как загружена мельница, важным является проба слухом. Если шары в мельнице дают резкие удары, значит мельница перегружена. Если громкие удары—значит не загружена. При нормальной загрузке всегда слышны равномерные звуки, точно трель. Тут требуется большая сноровка.

Я ввел точную дозировку песка. Строго слежу за фильтром. Во время работы температура в мельнице повышается, цемент делается липким, и если не уследишь за фильтром, забиваются сита. Цемент выходит тогда из мельницы медленнее, опять недовыработка получается, а мельница перегружается“.

Овладевая техникой помола, тов. Святков с каждым днем повышает часовую производительность мельниц. К 1 декабря на мельнице № 1 он дает уже 20 тонн в час, вместо „технически обоснованных“ 17,5 тонны, а на мельнице № 2—10 вместо 9,3 тонны. В сентябре тов. Святков заработал 203 рубля, а в ноябре—438.

Свой опыт тов. Святков не делает секретом. Он охотно передает его товарищам. Не редко он остается после своей смены для того, чтобы помочь, передать свой опыт другим мельникам. Сейчас и сменщики тов. Святкова — тт. Садовский, Червяков, которые раньше не всегда выполняли норму,—дают до 19 тонн в час.

Мельник-стахановец Святков первым зажег стахановское движение на заводе, потому и гордится им завод.

В. В. ЕМЕЛЬЯНОВ

стахановец Саратовского 8-рамного
лесозавода

ПЕРЕКОВКА

Владимиру Васильевичу Емельянову только 19 лет. У него жуткое прошлое и замечательное настоящее. Он был специалистом карманных краж. Имел пять судимостей, несколько побегов, отбывал наказание на Беломорском канале.

В нашей стране перекованы тысячи преступников. Старающиеся забыть свое кошмарное прошлое, они стремятся как можно с большей пользой вложить свой труд в дело построения бесклассового общества, отдать все свои знания и способности социалистической родине.

Сотни из них превратились в лучших ударников, бойцов промышленности, десятки — получили ордена за свои выдающиеся заслуги перед пролетарским государством и находятся в списках почетных, всеми уважаемых людей.

Бурно разлившееся по всей стране стахановское движение выделило лучших людей государства. Оно захватило и увлекло в стремительном потоке соцсоревнования умы рабочих, пробудило их творческую мысль.

Этим потоком был подхвачен и тов. Емельянов. Освобожденный досрочно и появившийся на 8-рамном заводе лесокombината в Саратове в половине мая 1935 года, он стал одним из первых стахановцев завода. Сборщик ящиков в цехе № 2. Комсомолец. Редактор стенной газеты „Даешь ящик“.

Сообщая о себе, тов. Емельянов говорит медленно, устремив взгляд куда-то в одну точку. Возможно, картины прошлого при этом воспоминании ярко вставали перед его мысленным взором.

— Досрочно освободили меня за упорный труд, за рекорды производительности, которые я давал. За массовую работу среди заключенных,—продолжал стахановец 8-рамного лесозавода.—Когда я попал сюда, на завод, то дал себе слово: работать так же, как я работал в последнее время на Беломорском канале.

Поступив на завод 13 мая 1935 года, в июне я уже дал 134% выполнения, в июле—160%, в сентябре—198%.

Таким образом слово свое я умею держать,—замечает он с гордостью.

— Когда появились известия о методе Алексея Стаханова, о его рекордах, меня позвал к себе редактор нашей многотиражки „Лесопильщик“ тов. Мазанов. Мы долго говорили с ним о методе Стаханова, о возможности применить его на нашей работе.

Среди других типов ящиков, которые мы делаем, у нас также выпускается и ящик типа 32 НК-2. Это аккумуляторный ящик,—рассказывает молодой стахановец.—Вдоль ящика, внутри по середине имеется в нем перегородка. По стенкам ящика и на перегородке после респуса отбираются стамеской пазы. По 16 пазов в каждой стенке и на перегородке. Паз подрубают стамеской сперва с одной стороны, а потом с другой. На 16 пазов, значит, требовалось 32 удара. Я применил способ двойной стамески, подрубить одним ударом обе стороны паза. Получилось—расход времени на этой работе стал в два раза меньше.

Мастер, когда посмотрел, одобрил. Теперь мой метод применяют все, кто на этой работе. Человек шесть в нашем цехе.

На вопрос о зарботке, тов. Емельянов, улыбаясь, говорит, что раньше он зарабатывал от 6 до 10 руб. в смену. Сейчас, когда есть полная загрузка,—легко зарабатывает до 20 руб. в смену, т. е. 500 рублей в месяц.

— Ну и, конечно, жить стало лучше, жить стало веселее, как сказал товарищ Сталин. Часто хожу в театр, люблю ходить в кино. Читаю. Сейчас начал „Поднятую целину“.

Занимаюсь у себя в общежитии с двумя прикрепленными ко мне беспризорниками... Сделаю из них тоже стахановцев.

На производстве думаю: как бы еще увеличить производительность. Есть большое стремление самому написать что-нибудь...

А прежде—надо поучиться,—говорит, прощаясь, тов. Емельянов,—поработать над собой.

Его ждал верстак.

Н. М. ДЕНЗИН

стахановец Саратовского
завода им. Ленина

ОБСЛУЖУ 20 СТАНКОВ

На завод имени Ленина я поступил в 1933 году в гвоздильный цех слесарем по ремонту гвоздильных станков.

Работа не клеилась. Нормы не выполнял. Причиной тому было — неорганизованность работы. Администрацией завода не было проведено прикрепление каждого слесаря к определенным станкам. Все зависело от бригадира. Гоняли нас от станка к станку. При таком положении работы не было видно. Она как-то проскальзывала и не учитывалась.

Так работали долгое время. Затем начальник цеха, посоветовавшись с нами, этот метод изменил. Всех слесарей разбили по группам и каждую группу прикрепили к определенным станкам. Меня вместе со слесарем т. Гимбавовым и молодым слесарем т. Гильф прикрепили к обслуживанию 13 станков и двух

ударных быстроходов. Работа пошла лучше. В течение всего 1935 года норму я перевыполнял, и простой станков на ремонте (так учитывается наша работа) резко сократился. Когда по Союзу прокатилась волна стахановского движения, я понял всю важность, все значение этого дела. Понял, что успех дела не от силы физической зависит, а только от техники. Только путем освоения техники, путем правильной организации труда и рабочего места можно добиться высоких показателей работы. Я глубже стал изучать все процессы работы.

В ноябре я дал выполнение 328%. Как же я этого добился?

Прежде всего внимательно всматривался в работу станков и установил, какие детали больше ломаются и требуют частой замены. И вот заранее, в свободное время, т. е. когда станки работают, я заготавливаю все эти детали.

Я уже не дожидаясь теперь, когда случится со станком авария. Во время хода я все время обхожу станки и осматриваю их. При малейшей „шалости“ станка, я предлагаю станочнику заменить подозрительную деталь, которая у меня уже наготове. Станочник тоже стахановец, также борется за показатели и, конечно, соглашается. И вот, почти на ходу, заменяем деталь, и станок продолжает работать.

На достигнутых успехах я не остановился. Я взял у отстающих еще 5 станков и прибавил к своим 15. Таким образом, буду обслуживать теперь 20 станков и уверен, что дам показатели еще выше. Думаю, что не отстану от нашего стахановца-кузнеца тов. Чибрина, да не только думаю, а покажу на деле.

Жизнь моя теперь другой стала, хорошо мне. Легко. И на сердце весело и радостно. Зарабатываю неплохо. Администрация завода к празднику предоставила мне хорошую квартиру. Премировали меня. Какое счастье жить в нашей великой стране, где ценится труд, где труд считается делом чести, доблести и геройства.

А. В. Сокольский

стахановец Саргрэс

ИНАЯ ЖИЗНЬ

Кто не знает теперь печальное, кошмарное детство писателя Авдеенко. У меня с ним была одна и та же жизнь. Да разве только нас эта жизнь-мачеха выкидывала за борт. Отец мой работал токарем в Киевском арсенале. В 1913 году, двенадцатилетним я остался один, всем чужой, никому не нужный. В этом же году меня пристроили на пивоваренный завод Шульца. Я работал там, получая 30 коп. в день; более щедро меня награждали оплеухами. Я валялся по углам в квартирах чужих людей. Ниоткуда не видел я человеческого отношения.

На другом заводе было тоже не лучше. Здесь делали подковы для армии. За 15 коп. в день я работал у 3 горнов. И тут меня в досталь били. А вечером хозяин завода вызывал меня к себе домой, я убирал комнаты, носил

дрова и помой. Жизнь стала мне ненавистной. Я хотел работать, трудиться, но я был бит, бит каждый день. Я ел хлеб почти из-под полы, либо с нетерпением ждал, когда хозяева станут ужинать и мне что-нибудь перепадет от них. Я бежал от этой постылой жизни.

Это был 1914 год. В глубоком раздумьи, обозленный, одинокий, я сидел на Киевском вокзале. Эшелоны казачьих частей шли на фронт. Меня потянуло куда-то. Я подумал... и сел на подножку вагона. Мне было холодно, я был босой и голодный. И когда старший офицер, заметивший меня, спросил: „Ты куда, парнишка?“—я ответил: „Я еду на фронт, к отцу“. Вместо отца я назвал фамилию мужа знакомой солдатки, которому, по просьбе ее, писал письма на фронт. „Вот мальчишка добровольцем едет на войну“,—говорил потом про меня фельдфебель. Я не имел понятия о войне, о добровольцах, о родине. Но меня накормили мясом, кашей, хлебом, а я давно не ел, мне было тепло.

Так я стал „добровольцем“. Я был ординарцем при штабе дивизии. Однажды меня направляют с пакетом сопровождать обоз. Началась канонада, обоз обстреливали. Солдаты разбежались, а я, не понимавший еще, в чем дело, продолжал ехать во главе обоза. К счастью все обошлось благополучно. Я привел по назначению 12 подвод, меня наградили 2 нашивками, и полковник Нестеров взял меня денщиком. У полковника был замечательный стэк. Я носил за ним этот стэк, когда он обходил строй солдат. Он брал стэк у меня из рук и нещадно бил им неугодивших ему солдат. Я видел это. Я видел также, как он сидел в деревенской польской хате, пил чай и лениво смотрел в окно, когда перед ним, во всем снаряжении, вытянувшись в струну, стоял под ружьем наказанный солдат. Человек не выстаивал больше часу, терял сознание и падал. Мне было мучительно трудно понять: почему люди бьют людей? А утром моросил дождь, оркестр играл похоронный марш, и я в первый раз смотрел на обожженные порохом трупы убитых солдат. Было жутко. Я слышал кругом, как рвутся измученные солдаты домой, к семьям, а другие пили заваренный табак, чтобы не ехать на передовые позиции. И я уезжаю с фронта домой, в Киев.

Что меня ждало тут? Ни родных, ни дома, ни жилья. Я встретил товарища: у обоих не было денег и хотелось есть. Тут состоялась моя первая кража—мы украли 25 штук кур и продали их по 25 копеек. Хозяин погребальной конторы предложил нам приносить ему венки с кладбища, за каждый венок он платил по полтиннику. И так пошло. Я ездил в Петербург, в Варшаву. Везде одно и то же: жандарм, этап, снова Киев и снова в дорогу. Я стал скитаться по всей стране, я крепко вошел в воровской преступный мир. Воровство, деньги, дележка, попойки, проститутки и опять воровство.. В этом хаосе, в этой омерзительной среде сгорели полтора десятка лет моей юности и молодости. Мои „документы“ регистрировали 8 судимостей, да разве их было 8?

В 1931 году меня арестовали, не помню уже в который раз. В Саратовском изоляторе я чувствовал себя по-иному. Моя злость к людям, к окружающим как будто стала смягчаться. Я читал впервые газеты, я видел, перековываются подобные мне люди. Вскоре меня назначают культурником. Я беру в библио-

теке книги. Я прочитал однажды в ленинградской газете, как идет перековка людей в других местах заключения и как кто-то из прежних воров получил за честную работу часы от товарища Калинина. И я думал: неужели это правда?

В шахтах Кузбасса я впервые приобщился к настоящему труду. Мне создали хорошие условия: я вдоволь ел, имел чистую постель, светлое культурное жилище. Ко мне обращаются со словами: „Товарищ, пожалуйста“. Думаю, неужели есть еще такие люди, которые могут к нам хорошо относиться?

Рано утром зовут на работу в шахты. Думаю—давай пойду. Я в жизни никогда не работал. Мне дают фонарь, ботинки, назначают коногоном, а потом вагонолопатчиком. Попадаю в помощь к забойщику. Он дает мне задание выкинуть из забоя уголь. Две тетки—моя норма до окончания смены. Я сказал: „Почему так мало?“—и выкинул этот уголь за три часа. Я стал хорошим забойщиком, меня несколько раз премировали. Потом меня снимают из шахты и назначают заведующим библиотекой. „Подумайте, — рассуждал я, — ведь там 12 тысяч книг!“ Это было моей первой школой охраны социалистической собственности. Я боялся, что меня обворуют, что я не оправдаю доверия. Но я его с честью оправдал.

Шахта закончена, и мы едем на Беломорстрой. Это было под первое мая. Возле станции Петрозаводской я видел, как со знаменами идут колонны рабочих, играет оркестр, демонстранты кричали: „Да здравствует международный день труда!“ В эшелоне все всколыхнулись. В первый раз, как никогда до этого, решетки показались мне тяжелым позором, как позорной была моя жизнь.

Прораб Аркадий Иванович Кочегаров, тоже заключенный, инженер, учил нас бурить скалы. Об этом я не имел прежде никакого понятия. „Вы сразу слишком здорово не работайте, не утомляйтесь, приучайте себя постепенно, потом будет лучше работать“,—учил нас инженер. Вся бригада выработала по 30—40% нормы, я дал в первый день 75% нормы. Вечером, после работы, я размышляю: работать или не работать? Устали руки, работа казалась очень тяжелой. Мелькнула даже мысль: „Может, бежать?“ Утром я снова пошел на работу. Хотя руки болели, но приноровился, легче бурка пошла. На второй день я дал 110% нормы. Попадаю на красную доску. Стал давать 120%, стал ударником.

Две недели я проработал на бурении, перекинули на дамбу номер 62, землекопом. И тут я давал не ниже 150—200—250 и больше процентов нормы. Потом является в барак воспитатель и вызывает всех в клуб. Был слет. На слете выступил тов. Успенский. Он рассказал о стройке канала, зачем он нужен, что канал строится по инициативе товарища Сталина и будет носить имя вождя и что дело нашей чести — построить его к 1 мая 1933 года. Очень было интересно слушать речь товарища Успенского, и я слушал его с уважением. Я думал: что же мне делать в дальнейшем? Я видел, как награждали на этом слете лучших ударников, им обещали хорошую путевку в жизнь. Я думал: неужели это возможно для преступного мира? Тут выступает агитбригада, поет песни о Беломорском канале и о людях канала.

Я продолжаю вырабатывать несколько норм. Художник рисует мой портрет. Я был страшно рад. А 15 августа меня заносят в красную трудовую книгу Беломорстроя. Я стал рекордистом. Стал членом агитбригады. Работаю на канале и успеваю выступать в агитбригаде. Меня считали хорошим, первым, лучшим агитбригадником. Агитбригада так и называлась „Рекордист“. Так протекала моя жизнь в лагере. Я с отвращением вспоминал свое прошлое, чувствовал себя бодрым, веселым. К нам приезжают руководители чекисты—товарищи Берман, Коган, Френкель и другие. На собраниях часто упоминается мое имя.

Кончается 11-й шлюз. Подходит к концу стройка Беломорского канала. Сегодня—1 мая, спешная работа—осталось только пустить воду в каналы. Знамена, оркестры, весь лагерь украшается красными знаменами. По радио объявляется о досрочном освобождении некоторых заключенных. Я слышу и свою фамилию. Я получаю документ гражданина СССР, я вхожу в семью трудящихся, в семью честных работников. Я еду в Ленинград и поступаю на асфальтобетонный завод. Я упиваюсь прекрасной, интересной жизнью в городе Ленина.

Но мне захотелось вернуться туда, где я жил раньше. Я хотел вернуться туда для того, чтобы посмотреть там на себя—каким я был, каким я стал. Приезжаю в Саратов, схожу с поезда, на груди моей жетон беломорстроевца. Иду по улицам, смело и гордо смотрю в лица прохожих. У меня в кармане воинский билет, паспорт. Я свободный гражданин, я равный среди равных.

С января 1934 года я стал работать зольщиком на Саргрэсе. Я не имел понятия, что такое котельная, а котел я представлял себе таким, в котором что-то варят. У кочегаров я спрашивал: „Где же ваш уголь, где лопаты?“ Я впервые видел эти огромные котлы и агрегаты. Но я был ударником и строителем Беломорского канала, я дал слово быстро освоить свое дело и так же работать здесь, как мы работали там. Я влез в циклон и сразу утонул в пыли. В первый день, после работы, я долго мылся и никак не мог отмыться. Я очень увлекался работой. Но все-таки я находил, что тут работают не так, как на Беломорстрое. Там был не такой подход к рабочим даже со стороны инженеров и техников. Когда я работал по их методу, я только затрачивал больше сил, а когда делал по-своему, я добивался лучших успехов.

И вот под 1 мая меня премируют как лучшего ударника, на торжественном заседании. На другой день я иду на демонстрацию. В первый раз я иду знаменосцем. Иду и думаю: вот на меня смотрят люди, у которых я, может быть, и воровал. Но лица людей радостны и приветливы. И мне радостно. На Ленинской у Верхнего базара наша колонна остановилась и долго стояла. Стоял и я, и мне вспоминался тот самый угол базара, где когда-то я залез в карман к одному гражданину. Меня страшно били. Как меня подкидывали тогда! Вдруг ко мне подходят товарищи и начинают меня качать, меня—лучшего ударника Саргрэса. Не могу передать словами, какие чувства овладели мною. Мне никогда подобное не снилось. Идем дальше, и я слышу голос с трибуны: „Привет лучшим ударникам Саргрэса“. Я был горд, потому что это относилось и ко мне.

— На Саргресе работу мою считали неплохой. Я свои задания всегда выполнял. Меня премировали дважды. Но работа моя, по правде сказать, мне не нравилась. Все что-то не так шло, что-то неудобно казалось. То пути, по которым мы золу из котлов вывозили, неисправны, то вагонетки плохие, не смазаны, поломаны. Целых 8—9 человек зольщиков работает в смену, и чуть не кучей ходят за одной вагонеткой. Какой это ущерб хозяйству. Платят всем жалованье, а люди часто сидят, курят. Я обращался везде и всюду, говорил о недостатках в производстве, но мне отвечают, что нет материала, того, другого, или говорят: „Мы сделаем все, сделаем“, и на этом успокаиваются.

Жаль было мне, что не могу я дать большие показатели выработки, потому что и норм у нас нет, работа у нас подсобная, мы обслуживаем котлы. Я читал газеты, каждый день стоял в очереди у киоска. Жадно вчитывался я в речи вождей, с интересом следил за выступлениями их на съезде Советов, перед метростроевцами, железнодорожниками. Прочел я и речь Авдеенко на съезде Советов: „За что я аплодировал товарищу Сталину“. Авдеенко рассказывал о своей жизни, и мне было также радостно читать его рассказ. Нас обоих подняли, вытащили из подвалов, заброшенных, озлобленных и сделали настоящими людьми. Это может быть только в одном Советском Союзе и ни в какой другой стране. Там, в капиталистических странах, продолжают гибнуть тысячи тысяч таких, как мы.

Я услышал о рекордных показателях Алексея Стаханова. На заводах идут собрания, слеты, страну оповещают о стахановском движении. Я думаю, какой же рекорд я могу дать, когда у меня нет такого молотка, как у Алексея Стаханова? А все-таки,—думаю,—хоть самый бедный рекорд, но я дам, я подыму свои темпы. Я не уступаю. Я собрал своих зольщиков и говорю: „Мы зря тут лишние работаем. Будет полезнее, если мы сократим лишних людей. Стыдно ведь смотреть на нашу работу“. Бригада поддержала. Но все же спрашивают: „Как же мы будем вчетвером работать?“ Я говорю: „Не бойтесь, ничего. Завтра придем пораньше, почистим поворотные круги, инструмент, вагонетки, лопаты получше получим, ломы, все приготовим“. Договорились. Встречаю в зольном цехе дежурного инженера тов. Ершова и говорю: „Товарищ Ершов, мы желаем работать по-стахановски: вместо 8—9 человек, мы будем работать в смену четверо“. Он говорит „Пожалуйста“. Все пошли навстречу. На другой день я пришел в цех, бригада настроена бодро, энергично, но озабоченно. Все-таки риск—управимся ли? Мы приступили к работе, и так свободно, красиво поработали четверо лучше, чем девять человек. И так мы стали работать с 28 октября этого года.

Все увидели, что мы действительно хорошо работаем и обслуживаем котлы добросовестно. Подходит ко мне бригадир зольщиков 2-й смены тов. Лавров и говорит: „Сокольский, я тоже подал заявление, что будем работать вчетвером“. Так все смены перешли на стахановский метод, на сокращенную смену. Ко дню нашей великой Октябрьской революции меня премируют как стахановца шелковым одеялом, мне дали хорошую квартиру.

Вот как изменились методы нашей работы. Раньше я работал у котлов и не знал, как идет зола, откуда ее получается больше, а где меньше, как

лучше загонять вагонетку и куда выгнать. Я изучил тайны своего несложного дела. Я знаю, как рассчитывать теперь и как расставлять силы. Я знаю, что если выше нагрузка котла, под ним больше будет золы и наоборот. Стал держать связь с кочегарами, узнавать о нагрузке котлов. Где нужно, туда больше обращаем внимания, не даем скапливаться большому количеству золы. Мы изучили каждую вагонетку. Есть вагонетки, которые легко толкает один человек. Такую мы ставим вперед, к отдаленным котлам. Плохие вагонетки, трудно передвигаемые, ставим под пятый котел, под крайний, чтобы ближе ее было отводить. Мы не сидим без дела и каждую минуту используем для того, чтобы приводить в порядок всю зольную. У нас нет завалов, в зольной стало чище, приятнее, и мы свободно и легко управляемся.

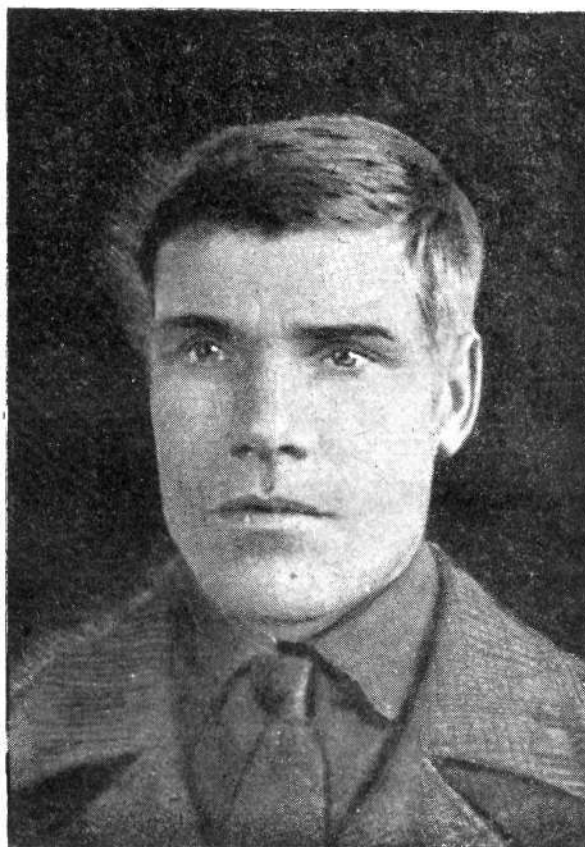
Я не хочу остановиться на этих успехах. Если в зольной отремонтируют поворотные круги, обновят и улучшат внутрицеховой транспорт, я думаю, что можно справиться с очисткой от золы наших пяти котлов и двум зольщикам. Тогда мы сэкономим электростанции, нашему пролетарскому государству еще не один десяток тысяч рублей. А это так же, как и безаварийная работа, лучшее использование мощности котлов и турбин составляет задачу всех работников электростанции — от директора, инженера до кочегара и зольщика. В выполнении ее нас не остановят никакие происки классовых врагов. А с подобными мне пришлось столкнуться. Подходит ко мне однажды некто Кожевников, котлочист, и говорит: „Чего ради ты, Сокольский, стараешься, гроб себе заработаешь только“. Рабочий коллектив выкинул за борт Кожевникова и заклеил его как своего врага. На заводах и фабриках кое-где притаились еще не один такой Кожевников, пытающиеся хоть и безнадежно поставить рогатки стахановскому движению. Беспощадно выбросим их с нашего пути.

Как-то в октябрьские дни я получил билет в цирк. Я вошел в цирк, купил программу и сел в одном из первых рядов. Это было место ударника Саргрэса. Вспоминаю, что несколько лет тому назад, на этом месте, где теперь цирк, стояло полуразрушенное здание бывшего магазина. В подвале, под этими развалинами собиралась „братва“, сюда приходили на дележку ворованных денег, тут пили, бывал тут и я. А теперь снесены эти развалины. Здесь сооружен большой очаг культуры. И я—новый человек—сидю здесь, получаю зарядку для радостного труда. И, как всегда в таких случаях, я снова и снова связываю себя добровольным словом—обязательством: работать честно, работать ударно, служить примером в борьбе за высокую производительность социалистического труда.

В. К. ЗАЙЦЕВ

стахановец Саратовского завода
им. Ленина

К НОВЫМ ПОБЕДАМ

Отца я не помню. Он умер, когда мне было 7 месяцев—в 1897 г.

С грудным ребенком мать никуда не принимали — „с багажом не берем“, — коротко отвечали ей все, у кого она просила работы.

Выхода нет. Оставляет меня мать у замужней сестры, а сама нанимается в прислуги. Это было в деревне Крюково бывшей Пензенской губ. Не помню, как я жил до 8 лет. Надо полагать впроголодь. У сестры и без меня семья была большая, сами концы с концами еле сводили. Не до меня им было. Работать в поле пошел с 8 лет. О школе и думать не мог. Так до 17 лет и прожил в деревне, тяжелым крестьянским трудом зарабатывая себе право не умереть с голоду. В Саратове в то время жил мой старший брат. Имел он лошаденку и работал извозчиком. Решил поехать к нему. Устроил меня брат к подряд-

чику Рабиновичу—возчиком за 18 руб. в м-ц. Тяжелая была работа, непосильная. Ведь мне тогда было всего 17 лет. Жил у брата. Деньги целиком отдавал ему. Через несколько месяцев умерла мать. Родственники вызвали меня в деревню.

— Потратились на мать-то. Лечили... Похоронили. Придется продать избу-то. Капиталов тоже лишних нет—заявили мне родственники. Мне было безразлично. Отдал им избу.

В 1915 году призвали в царскую армию. На фронт не попал. Служил в Симбирске до самой революции. В деревню возвратился в 1918 году. Женился. Вскоре выехал опять в Саратов. Поступил дворником.

В 1923 году брат уговорил меня уволиться. Купил мне лошадь. На ней я работал для брата. Жалованье он мне не платил, кроме того что только кормил меня с женой, обувал, одевал. Такая жизнь надоела. Однако, приходилось мириться—была сильная безработица. Долгое время состоял на учете биржи труда и в конце концов в 1925 году поступил на завод им. Ленина возчиком на вагонетки. Я впервые в жизни увидел станки, машины. Грохот парового молотка, лязг, шипенье раскаленного железа, равномерное жужжанье барабанов проволочных станков произвели на меня сильное впечатление. С непривычки кружилась голова. В ушах шумело.

В 1926 году, после долгих моих просьб, меня поставили учеником в проволочный цех. И хотелось учиться, скорей за станок встать и как-то стыдно было... Ведь мне тогда 30-й год шел, а я только начинаю... Ученик!

Однако, через 3 месяца я встал на станок уже не как ученик, а как самостоятельный станочник-проволочник. Мое желание осуществилось. Я настоящий рабочий. Конечно, вначале негладко шло у меня. Нормы не выполнял. Нервничал, злился, но духом не падал. С каждым днем все больше и больше привыкал к станку. Присматривался, как другие товарищи работают. Словом, дело двинулось. Дотянул до нормы, затем стал перекрывать. Когда услышал о стахановском движении и понял его значение, утроил свою энергию. Работал на 2 барабанах—перешел на 3. При норме растяжки 960 кг вырабатываю 1800—1900 кг. При норме другого размера 690 кг вырабатываю 1500 кг. За станками внимательней следить стал. Изучил их. Уже по звуку определяю неполадки и тут же на ходу их исправляю.

Я часто сравниваю, как я жил раньше и теперь как живу. Ничего похожего. Даже вот с октября и то резко жизнь моя изменилась. Зарабатываю 700 рублей. На-днях на курорт меня посылают. Завком путевку дал. Я ревматизмом страдаю. Еду на Сергиевские минеральные воды. Там подремонтирую здоровье и с новыми силами за работу, за овладение техникой своего дела.

Хорошо стало жить, весело.

Н. И. МОШКОВ

стахановец-рамщик
Вольского лесозавода

ОПРАВДАЮ ДОВЕРИЕ

Всю жизнь отца моего, Ивана Мошкова, беспросветная нужда гнала в город на заработки. Так и ходил он каждой осенью с топором да пилой за спиной искать работу, а весной возвращался назад, к голодной своей семье, чтобы запасти в зиму сколько-нибудь хлеба. Да сколько мог запасти хлеба безлошадник-бедняк? Едва до зимы, а осенью опять на заработки.

И я, сын его Николай, как и все мои братья и сестры, не имел такого счастья, чтобы учиться. Всей моей грамоты и силы хватило только настолько, чтобы после смерти отца стать общественным пастухом. Но рос я в другое время, чем мой отец. Я рос в советское время. Хотелось мне пойти на завод. И город, который отцу моему не лучше деревни был мачехой, принял меня

по другому. Сначала я работал на сезонной работе в Астрахани, в Москве. В 1933 году вместе с женой пришел на Вольский лесозавод.

Работали сначала на выгрузке плотов. За хорошую работу нашу бригаду перевели в цех. Я стал подрамщиком. Работа понравилась: я присматривался к каждому движению рамщика, а когда он отлучался куда-нибудь от станка, я сейчас же становился на его место. Месяца через два я мог уже самостоятельно работать на раме, и меня поставили рамщиком на малую раму.

Работал с интересом, с желанием, а через несколько месяцев меня послали на трехмесячные курсы по повышению квалификации.

После курсов я работаю уже на большой раме. Но думаю не остановиться на этом: хочу стать распиловщиком.

Как мы работали сначала? Скажу прямо: нехорошо. Сначала и норму не выполняли, зарабатывали по 60 рублей и считали, что и выполнить норму нельзя. В первом полугодии 1935 года выполняли норму уже на 110%. Но совсем по другому принялись мы работать теперь, когда слышали о том, как работает Алексей Стаханов и его последователи. В октябре наша выработка 132%, в ноябре — 140%, до 180, а иногда и 200%.

Как мы работаем теперь? Вот так: прежде всего стараемся, чтобы правильно организовать свою работу, хорошо подготовиться к тому, чтобы принять смену в полном порядке.

Приходим на работу за 15—20 минут до гудка. Первым делом заходим в пилоправную, осматриваем сначала пилы, которыми будем работать, готовим линейку, угольник, отвеску для проверки рамы. Смотрим сейчас же, какой лес будет идти сегодня, и подбираем нужные поставы.

Весь необходимый инструмент заранее подносим к раме, чтобы во время смены и молоток, и ключи, и клинья — все было под руками, чтобы не отрываться от работы за ними.

Другая бригада едва заканчивает работу, а мы уже готовы принять смену, и наши пилы стоят около рамы. Как только настало время нам работать, пилы быстро вставляются на место, подсобные рабочие быстро смазывают тележки, подвозят сырье, и до пуска машины бревна уже заправлены в раму.

Бревна теперь идут у нас конвейером, торец в торец. А прежде этого мы не делали. Между бревнами были разрывы до полметра, и пилы некоторое время работали вхолостую.

В работе приходится иногда менять поставы. Обыкновенно на эту работу уходило 30—40 минут, потому что мы при этом вывертывали винт груза.

Если мы вырабатываем 134 кубометра, вместо 80 кубометров нормы, то это не предел. Иногда у нас не хватало леса, его не успевали подвозить к цеху, часто выключают электроэнергию. Все это сокращает нашу выработку.

Я слышал теперь, что на других заводах рамщики, работающие по нашему методу, вырабатывают 300 и 320% нормы. Хочу и я достигнуть этого. И достигну.

Меня посылали товарищи на краевой и Всесоюзный слет стахановцев лесопильной и деревообрабатывающей промышленности. Это высокое доверие, я должен его оправдать и оправдаю.

М. К. САЧЕНОК

стахановец-электросварщик
Вольского завода „Большевик“

ВЫИГРЫШ ВРЕМЕНИ

Совсем недавно я стал квалифицированным электросварщиком. После демобилизации из рядов Красной армии до 1931 г. я работал еще чернорабочим. Потом окончил курсы электросварщиков, а на завод „Большевик“ пришел лишь в январе 1935 года.

Как и тысячи других пролетариев моей родины, известие о рекордах Стаханова, Бусыгина взволновало меня. Не раз я подумал над тем, как надо работать по-стахановски в моем деле. И когда 5 октября в цехе у нас обсуждали значение стахановских методов работы, я уже приготовился действовать, работать по-новому.

Все пришлось обдумать, пересмотреть все свои навыки и приемы работы. Сейчас, когда приходится мне делиться опытом ее, все оказывается очень

просто, не мудро. Главное надо было обдумать, где получаются непроизводительные затраты рабочего времени, как их сократить до минимума.

Возьмем сварку ковшей для элеватора. Раньше ставил я на стол сперва один ковш, сваривал его, отбрасывал, потом брал другой. Я понял, что такой прием вызывал непроизводительную трату и тока и времени на хождение за ковшами, на установку их. Больше 16 ковшей в смену я никогда не заваривал.

Теперь я подношу к себе 30 ковшей и на стол ставлю не один, а сразу три. От сварки стал отрываться в 6 раз меньше, и в результате: 32 ковша за смену вместо 16. Я обратил внимание и на электроды. Раньше я получал их коробками, часто приходилось их менять: опять попусту время проходит. Теперь электроды режу длиннее, беру их в середине, и как расплавляется один конец, перевертываю и плавлю другим. Приходил я, бывало, на смену и не знал, какая у меня будет работа, какое напряжение тока мне нужно для нее, и уж в процессе работы регулирую ток. На это уходит тоже 15—20 минут. Сейчас я, приходя на работу, прежде всего, проверяю, какое напряжение тока было у электросварщика, которого я сменяю, смотрю работу, которую предстоит выполнять; тут же определяю, какое нужно напряжение тока и регулирую его.

Очень помогает в работе такое обстоятельство. Теперь наряды бригадир выдает мне заранее. Я знаю, что буду делать завтра, это позволяет спланировать мою работу, продумать ее заранее. Вот все эти, я бы сказал, очень простые приемы, и поднимают производительность труда, опрокидывают все так называемые „технически обоснованные“ нормы. В этой простоте, должно быть, и вся сила стахановского движения, овладеть ею может каждый любящий свое дело.

Пользуясь этими методами, в октябре я выполнил задание на 162%, а в отдельные дни—до 200%. Речь товарища Сталина на Всесоюзном совещании стахановцев вселила в меня еще больше бодрости, радости. В ответ на речь вождя я стал выполнять сменное задание до 200 и больше процентов, а 23 ноября дал 325%. Мне поручали сварить площадку бремсберга и дали на это 14 дней. Ознакомившись с работой, я заявил, что выполняю работу в 6 дней, и это обещание выполнил.

Каждый стахановец должен быть организатором движения за высокую производительность труда. Стараюсь эту обязанность выполнить. За полтора месяца я подготовил в электросварщики рабочего тов. Стародымова, он недавно сдал техэкзамен на „хорошо“. Мой опыт позаимствовал электросварщик завода „Красный Октябрь“ тов. Федоров. И теперь он на сварке элеваторных ковшей дает 300% нормы за смену.

Октябрьские дни я провел в Москве. Это было моей премией. Дни, проведенные в столице, — лучшие дни в моей жизни. Я видел Москву, любовался метро — этим достижением родины. Но главное я видел на демонстрации великого Сталина и пережил огромную радость. И эта радость не может не выливаться в моей работе, в моих производственных успехах. Сейчас я еду на курорт в Сочи. Вернусь—работать буду еще более радостно и хорошо. Хочется еще и еще раз сказать: много раз спасибо ему, великому и родному Сталину, за новую, радостную, веселую жизнь. Спасибо, вождь, спасибо.

И. М. БАРАШКИН

стахановец кузнец
Саратовского ремзавода РУЖД

ТВОРЧЕСТВО У МОЛОТА

Весть о замечательных успехах кузнеца Барашкина быстро облетела весь завод. Хотелось поближе познакомиться с этим стахановцем и внимательно проследить за его работой у молота.

Мы знали, что Иван Миронович Барашкин старый производственник-кузнец, что ему пошел сорок пятый год, что в партии он с 1929 года.

В редакции политотдельской газеты „Рабочий транспорта“ говорили:

— На Саратовском вагоноремонтном заводе кузнец Барашкин делает чудеса.

— Это вы заключили договор с кузнецом Тамбовского вагоноремонтного завода товарищем Копайло?—спросили мы тов. Барашкина.

— Да. А что?

Коротко разъяснив, почему нас это интересует, и узнав, что он, Барашкин, работает во второй смене — с 4 часов, мы решили посмотреть на его работу.

Говорили, что в этот день к 4 часам придут в кузницу также взглянуть на его приемы начальник кузнечного цеха Логвин, председатель завкома тов. Кондраков.

Работая в первой смене, я вполне мог доставить себе это удовольствие, придя после гудка из своего механического цеха в кузнечный.

— С тов. Копайло мы заключили договор на поковку хомута винтовой вагонной стяжки объединенного типа, — оживленно рассказывал Барашкин. — Кто из нас высший рекорд выработки даст.

Основной цифрой мы взяли 120 штук в смену. Хотя ни он, ни я пока столько не делали.

— А норма какая?...

— Сейчас норма у нас 27 штук в смену. Но я применил новый метод в своей работе... Давно он был у меня в голове. Тут, видите ли... Раньше мы делали с пяти нагревов, — продолжал он, — теперь я придумал, как тот же хомут с начала до конца сделать в один нагрев. Вы ужо приходите.. посмотрите... как я это делаю.

* * *

Жарко горят горны. В их неумолкаемом реве слышится что-то мощное, всепобеждающее.

В горячей решительной схватке, сопровождаемой этим ревом пылающих горнов, ярким светом бушующего пламени, канонадой ударов паровых молотов и ручных кувалд, то частых и сильных, то редких, как бы отдаленных, — кузнечный цех идет на приступ.

Кузнец-стахановец т. Барашкин у своего парового молота. Его озабоченный взгляд скользит по приготовленному инструменту.

— Все ли в порядке... под рукой... Не забыл ли что?..

И клещи, и штампы, и измерительная линейка — калибр на своих местах. Машинист парового молота наготове. Молотобоец Вася ожидающе поглядывает на подавальщика. Начальник цеха т. Логин уже здесь и стоит чуть в сторонке, откуда, не мешая, можно наблюдать. Я присоединяюсь к нему. И пока нагретое железо не подано, спрашиваю Барашкина, сколько заложил в горн?

— 35 штук, — отвечает он.

— Не пережгешь?..

— Ну, что вы... У меня нагревальщик, который подает, опытный. И потом... Ведь это быстро, — говорит он, делая движение в сторону горна.

На полу уже был выброшен и горел золотом нагретый кусок железа.

Подхватив его клещами, подавальщик быстро поднес и передал его Барашкину. Наступил интереснейший момент. И начальник цеха и предзавком тов. Кондраков, кое-кто из свободных рабочих и я, затаив дыхание, боялись пропустить какое-либо движение кузнеца-художника.

А он, уже зажав конец нагретого железа в штамп — матрицу, ловко и рассчитанно подставлял его под удары бабки молота.

Три-четыре удара, и горячее железо около 8 килограммов весом делает на наковальне быстрый и красивый поворот. И в следующий момент паровой молот штампует другой конец. Три-четыре удара, — и вот уже обрабатывается середина... Формуется и обрезается от заусенцев головка, другая. Хомут, вполне законченный, не успевший еще потемнеть, сильным, ловким движением отбрасывается в сторону.

А подавальщик уже протянул кузнецу другой, вновь принесенный, нагретый кусок железа.

— Три минуты. — говорит начальник цеха, хронометрировавший процесс обработки хомута. — Вот это быстро!..

За три с половиной часа работы в этот день стахановцем Барашкиным было сделано 74 хомута. Все 74 хомута хорошего качества.

— Думаю, что на этом не остановлюсь, — уверенно говорит Иван Миронович, — и добьюсь полторы сотни штук в смену, а там посмотрим.

Твердая уверенность у него видна во всем: в движениях, в расчётности, в глазомере, в словах. Человек определенно поставил перед собой задачу выжать из техники все.

И стахановец Барашкин выжимает.

Пятидневку спустя, в обеденный перерыв, мы его снова видим в редакции „Рычага“.

— Вот, товарищи... Читаю в газетах, что заводы, цехи и отдельные стахановцы по своей работе дают обязательства на 1936 год. Подумал я над своим хомутом и пришел к выводу: годовую программу на 1936 год выполню в 4 месяца. Как раз 1 мая. А если условия работы будут хорошие, да поднажму немного, так и раньше сделаю...

Вот я тут написал, — протянул он редактору листок бумаги.

И странно как-то кажется, в редакции был как будто не настоящий Барашкин, а кем-то подмененный. Тихий. Застенчивый.

У парового молота, — это герой во весь рост. Командир положения. Творец деталей.

Новая техника. Новые люди.

Стоит только посмотреть на самого Барашкина. Он растет в работе, становится иным человеком. У него выработалась хорошая рабочая смекалка, заметно расширился кругозор. По-новому стал понимать Барашкин все то, что он прочитывает в газете, глубже стал он осмысливать все, что происходит вокруг него.

Это потому, что он сам активно участвует в стройке, идет в ногу с этим замечательным стахановским движением, потому, что он не один. Ему есть по кому равняться. У него есть где учиться.

Для Барашкина характерен еще один момент. Он близко связан с молодежью. Отчасти оттого, что он просто любит ее, отчасти и потому, что сам чувствует себя молодым. Это особенно заметно, когда стоит он у молота, когда применяет там стахановские методы.

В ответ на призыв вождя счастливейшей в мире страны товарища Сталина творчество у парового молота, у станка, у регулятора давления, непосредственно на том месте, где и с чем рабочий связан, дает социалистическому государству небывалые рекорды выработки. Оно двигает нашу страну к бесклассовому социалистическому обществу семимильными шагами.

Литературная обработка раздела
„Первые стахановцы нашего края“
проведена бригадой Саратовского
отделения союза советских писа-
телей в составе:

КАССИЛЬ И. (бригадир)
ТИМОХИН В.
ОЗЕРНЫЙ В.
ПОГОДИН С.
ЮРЬЕВ М.
БОРИСОВ Д.
МИХАЙЛОВ И.
ЖУКОВА П.
ВАГНЕР Д. (АССРНП)
ЗАКС А. (АССРНП)

СОДЕРЖАНИЕ

Речь товарища Сталина на первом
Всесоюзном совещании стахановцев . 11

Алексей Стаханов. Мой метод 27
Александр Бусыгин. Моя работа 33

Первые стахановцы нашего края

П. М. Фарышев. По примеру Корчагина . . . 41
Я. И. Эрмиш. Почетное имя. 45
А. Г. Солдаткин. Достойное звание. 49
И. И. Срогович. В шеренге передовых 51
Н. П. Голдобин. Организация труда. 53
П. Е. Зибров. Второе рождение 59
П. П. Петров. Счастливое настоящее 61
А. Е. Поликарпов. Высокие показатели . . . 63
В. И. Коршунов. Рекорды не предельны. . . 65
Элла Дортмани. Элла победила 67
Генрих Вайман. Наше знакомство. 71
Якоб Бинеман. Зачинщик 75
В. И. Святков. Техника помола 77
В. В. Емельянов. Перековка 79
К. М. Дензин. Обслужу 20 станков 81
А. В. Сокольский. Иная жизнь. 83
В. К. Зайцев. К новым победам 89
Н. И. Мошков. Оправдаю доверие. 91
М. К. Саченок. Выигрыш времени 93
И. М. Барашкин. Творчество у молота 95

Ответственный за выпуск И. Кассиль
Техн. редактор И. Лебедев
Корректор В. Соколов
Художественное оформление Б. Миловидова

Сдано в производство 22/XII-35 г. Подписано к печати 13/I-36 г.
Тираж 3000. Бумага 62×94¹/₃. Печати. лист. 12¹/₂. Бум. лист. 6¹/₄.
Знаков в печ. листе 26860. Учетно-авторск. 5,6. Индекс П-1-2в.
Издательский № 133. Заказ № 9343. Крайлит А/7.
Цена 2 руб. 80 коп. Переплет 1 руб. 70 коп.

Типография № 1 Саратовского Краймestпрома.

